

Валерий Ковалев

ЗОЛОТО ПО ЛЕНД-ЛИЗУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Николаевич Ковалев

Золото по ленд-лизу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63363877

SelfPub; 2020

Аннотация

В 1943 -м в лапландских тундрах исчезает советский бомбардировщик с грузом золота, предназначенного в счет оплаты военных поставок союзникам по ленд-лизу. Его находят бежавшие из финского плена военные моряки, сообщившие об этом командованию. Однако вывезти золото не удастся. Дальнейшие события развиваются в современное время. (Повесть написана на основе документальных материалов) Содержит нецензурную брань.

Валерий Ковалев

Золото по ленд-лизу

« Люди гибнут за металл...»
(Из арии Мефистофеля)

Часть 1. Секретный груз

Глава 1. В тундрах

Заполярье. Май 43-го. Лапландия*.

Над бескрайним морем голубых лапландских тундр, что, перемежаясь с сопками, тянулись от скалистых фьордов Норвегии до побережья Кольского полуострова, стоял последний день. В лучах немеркнущего солнца искрился последний, еще не растаявший ноздреватый снег, зеленел ягель, блестели холодной водой небольшие озера, с которых доносились разноголосые крики вернувшихся с зимовки птиц.

На теплом шероховатом валуне дремал отощавший за зиму пестрый лемминг. Вдруг он насторожился, вскочил и с писком нырнул в щель. Оставив уютное место.

Из-за ближайшей невысокой сопки появились два человека. Они едва передвигали ноги и, подойдя к камню, устало

присели на него. Вытянув вперед ноги.

Оба путника выглядели предельно изможденными, с серыми, заросшими щетиной лицами. На одном – высокого роста и с широкими вислыми плечами, были лопарский* колпак, выцветший солдатский ватник, драные бриджи и размокшие от воды пьексы*.

На втором, коренастом и непрерывно кашляющем, выдавшие виды – черные матросская шапка и бушлат с позеленевшими латунными пуговицами, рваная на коленях брезентовая роба, а на ногах полуразвалившиеся кирзовые ботинки.

В руках высокий держал финский, с дырчатым кожухом, автомат «Суоми», а на поясе коренастого висел нож «пуукко»* с костяной рукояткой. За плечами у обоих висели серые тощие котомки.

На незнакомцев тут же навалилась дрема, и они, опустив головы, начали клевать носом.

Однако через минуту высокий вздрогнул, размежил веки и толкнул локтем напарника.

– Не спи, Сашок, замерзнешь.

– А, чего?! – испуганно вскинулся тот и недоуменно завертел головой. На длинной худой шее.

– Не спи, говорю, идти надо.

Они тяжело встали и, покачиваясь, побрели дальше. Над головой серебром мерцало небо, в глазах стояли надоевший пейзаж и резь от незакатного светила.

Примерно через километр тот, которого называли Саней,

упал лицом в пропитавшийся сыростью мох и вновь зашелся мучительным кашлем.

Высокий сплюнул и, вздохнув, тяжело присел на корточки рядом.

– Вставай, Сашка, вставай, вот эту марь пройдем и под сопкой отдохнем, – потряс за костлявое плечо спутника.

Тот со всхлипом поднялся, высокий обхватил его за торс и, спотыкаясь, хрипя, потащил дальше.

У относительно сухого склона сопки, поросшего багульником, оба повалились под чахлую березку и уснули.

Когда они открыли глаза, солнце все также сияло в высоком небе.

– Тим, а что сейчас, день или ночь? – невнятно прошептал Сашка.

– Я и сам не знаю, все в башке перепуталось от голода. Надо пашамать*.

– Надо.

Тим, так звали высокого, приподнялся, стянул с плеч котомку, раздернул ее горловину и достал оттуда вяленый кусок оленины. Вкусно пахнувший дымком и жизнью. Затем протянутой Сашкой финкой разрезал ее и большую часть отдал другу.

– Ты отдыхай пока, а я схожу туда, – кивнул он на синеющее неподалеку, окаймленное редким кустарником и карликовыми деревцами озеро. – Может какую птицу подстрелю или на худой конец зверушку.

– Это последний патрон? – прошептал обметанными жаром губами Сашка.

– Последний. Как и мясо, что дали лопари. Больше ничего нету.

Тим встал, звонко щелкнул затвором автомата и ушел к озеру. Через несколько минут оттуда донесся гулкий выстрел, после чего над сопкой пронеслась стайка птиц. Рассекая крыльями воздух. А чуть позже вернулся расстроенный Тим и в сердцах швырнул автомат на землю.

– Все, кончился наш «Суоми».

– А птица?

– Промазал, руки дрожат. Но ты не дрейфь, через неделю-другую птицы яйца класть станут, тогда заживем. А пока ягель жрать будем, прошлогоднюю морошку, что найдем, и кору с молодых деревьев. Все равно к своим выйдем. Вот увидишь.

С неделю назад парни бежали из финского лагеря на побережье Ботнического залива, где оба строили укрепрайон, в числе еще нескольких сотен военнопленных.

В тот день, ранним утром, их вывели на работу, а потом началась бомбежка. Советские штурмовики, под прикрытием истребителей, накрыли бомбовым ударом расположенную рядом железнодорожную станцию с несколькими грузовыми составами, а заодно строящийся рядом объект, окруженный с четырех сторон вышками с пулеметами и колючей проволокой.

Охрана в панике ринулась в бетонные укрытия, пленные тоже стали прятаться кто – куда, и в серии очередных разрывов, прыгнув в воняющую толлом свежую воронку, Тим увидел, как одним снесло ближайшую к нему охранную вышку. Вместе со спускающимся вниз, вопящим от страха шюцкоровцем*.

Вымахнув из воронки, старшина рванул сквозь дым и свист осколков, в образовавший проход, вывернув на ходу из руки убитого солдата автомат и, пригнувшись, помчался в сторону небольшого леска неподалеку от укрепрайона.

Когда же вломившись туда, на секунду оглянулся, за ним, метрах в тридцати, бежал один из пленных, в черном распахнутом бушлате, а позади, настигая парня, еще двое, в коричневых мундирах и с винтовками.

– Ложись! – передернул затвор Тим, беглец тут же упал, откатившись в сторону, а затем дважды стрекотнул автомат. Скосив набежавших финнов. Один, выронив винтовку, опрокинулся назад, а второй с воплем рухнул в кусты, широко раскинув руки.

– Ходу! – снова заорал старшина и порысил вперед. Парень за ним, хрипя и отплеываясь.

Лес вскоре кончился, за ним было мелкое болото, которое беглецы перебрали вброд. Затравлено озираясь.

Налет между тем прекратился, в небе затихал далекий гул, а сзади поднимался густой маслянистый дым и слышались глухие взрывы.

– Теперь им не до нас, – утер пот с лица старшина. – Не иначе в эшелонах были боеприпасы.

– Ага, – просипел парень в бушлате.

– Ну все, потопали дальше, браток – вскинул «Суоми» на плечо Тим. – Нужно уйти как можно дальше.

К началу вторых суток двигаясь строго на восток и обходя мари*, беглецы вышли на стоянку саамов – так называлась живущая в тундрах народность.

Те восприняли все как должное, накормили беглецов, и они уснули на шкурах у костра в одном из чумов*.

На следующий день, самый старый из саамов, знавший русский язык, сообщил, что в стойбище наведываются финны с немцами, за свежим мясом, после чего моряки решил сразу же уходить. Поблагодарив хозяев за гостеприимство. На прощание те собрали парней в дорогу, выделив немного из своих запасов.

– Зря мы все-таки не остались у лопарей*, – грустно сказал Сашка. – Отдохнули бы чуток, поднабрались сил и двинули дальше.

– И вовсе не зря. Ты ж слышал, к ним за оленями и рыбой финны с немцами наезжают. Снова в лагерь захотел?

– Упаси Бог, – нахмурился Сашка.

– Ну, то-то же. Значит, не ной. Ты, кстати, какого года призыва?

– Сорок первого.

– Совсем салага.

– А ты?

– Тридцать девятого.

– И где ж ты Санек, служил? Небось, при штабе?

– Не, на морском охотнике, рулевым-сигнальщиком. Прошлым летом в Белом море нас финская лодка торпедировала. Командира и меня с боцманом, при взрыве за борт выбросило. Финны всплыли и подняли нас к себе на палубу. Командира тут же расстреляли.

Затем, выяснив специальность, боцмана спихнули за борт. А я назвался коком, и меня не тронули.

– Чего ж это они?

– До этого мы несколько часов гоняли лодку по дну залива и бомбили. Да так, что она соляром течь стала. Видать разозлили финнов здорово. А кок на позиции им был здорово нужен – своего при взрывах кипятком ошпарило.

Правда, что я готовить не умею, финны поняли через пару часов, как погрузились. Снова рассердились и выбили мне половину зубов. Во, – ощерил Санька щербатый рот. – А как вернулись в базу, сдали меня в лагерь. А ты Тим как туда попал? Ведь раньше я тебя почти не знал.

– Я, Санек, до марта 41-го служил на Балтике, на линкоре «Октябрьская революция». Это бывший «Гангут», слышал про такой?

– Да. На нем при царе восстание было.

– Точно, молоток. И был я старшиной 1 статьи, командиром отделения торпедистов, а еще призером флота по борь-

бе. Ну а потом стал диверсантом.

– Как это? – широко распахнул глаза Сашка.

– Очень просто. Отобрали на кораблях пару десятков ребят покрепче, погнали на медкомиссию, а потом доставили к начальнику Кронштадского укрепрайона адмиралу Ралю.

И тот сообщил, что особым приказом Главкома ВМФ, с этого дня все зачислены в специальную команду, где из нас будут готовить подводных диверсантов. До мая, на закрытом полигоне, всех обучили водолазному и подрывному делу, стрельбе, плюс рукопашному бою. А затем переодели в солдат и перебросили самолетом в Белоруссию, в закрытый гарнизон, где дислоцировалась воздушно-десантная бригада. Там обучили прыгать с парашютом, работе с рацией и прочей хурде – мурде. Короче, по полной программе.

А тут война. Флоту не до нас. Мы в этой бригаде и застряли.

Уже в июне 41-го нас забросили в тыл к немцам, под Минск. Там рвали их эшелоны с техникой и мосты, склады с боеприпасами, а еще громили небольшие гарнизоны.

Потом, кто остался, вышли к своим, и всех доставили товарняком в Подмоскowie. Дали немного отдохнуть, пополнили и в августе снова отправили за линию фронта. Теперь уже под Ржев – немцы к Москве подходили. И там наделали шуму. А когда зимой 42-го через Селигер* прорывались к своим, меня осколком зацепило и сильно контузило.

Очухался уже в плену. Документов никаких, их перед

заброской отбирали. Назвался военным строителем Васей Пупкиным. В результате оказался в финском лагере на строительстве укреплений, откуда мы с тобой и «подорвали» Вот такие дела, братишка.

— Ну, ты даешь,— восхищенно взглянул на товарища Санька. — А я уж думал, ты и впрямь строитель.

— И впрямь и вкось, — рассмеялся Тим. — До флота техникум по этому делу закончил. Слушай, а давай попробуем наловить рыбы. Она в этом озере должна быть, птица ведь чем-то кормилась?

— Давай, с готовностью согласился Сашка, почесав нос. — Только вот чем будем ловить? Крючков и лески у нас нету.

— А это что? — отстегнул Тим с подкладки ватника и продемонстрировал средних размеров крючок и булавку. — Вот, пока ты в гостях дрых, я у хозяйского пацаненка за звездочку выменял.

А это? — он сдернул с покрытой шрамами головы и бросил Сашке в руки старую лопарскую шапку, расшитую цветными нитками. — Ты давай, бери нож, распускай нитки и плети леску, а я согну еще крючок. Одного мало.

Вслед за этим друзья принялись за дело, и через час у них был готов еще один крючок и метров пять достаточно прочной шелковой лески.

Удочки соорудил Сашка, оказавшийся в прошлом заядлым рыбаком.

В качестве грузил он использовал оторванную от каблука

своего ботинка и разломанную на две части рапидовую* подковку, поплавков – оброненное какой-то птицей перо, перерезав его надвое, а удилищ – автоматный шомпол и срубленный финкой кривой ствол березки.

Нашлись в складках котомок и несколько крошек оленьего мяса. После этого друзья собрали нехитрые пожитки и направились к озеру, где выбрав место поудобнее, забросили в воду свои снасти. Уставившись на перья-поплавки. Вокруг которых поплыли круги, а потом исчезли.

Их ожидания оправдались.

Через полтора часа, на берегу поблескивали чешуей три небольших окунька и пяток неизвестной породы малявок. Поскольку наживка закончилась, Сашка порезал одну на мелкие ломтики и насадил их на крючки. Поочередно плюнув на каждый.

– А это для чего? – вскинул брови Тим.

– Для уловистости, – прошептал Сашка.

Вскоре переносить голод парням стало невтерпеж. Мешала уже имеющаяся добыча. Переглянувшись, они, не сговариваясь, воткнули удилища в неподатливую мерзлоту, проверили, насколько прочно те держатся и начали заниматься костром.

Сашка достал из своей котомки подаренные лопарями огниво, вываренный в золе трут и небольшую консервную банку с проволоочной дужкой, а Тим двинулся вдоль берега, обламывая с карликовых березок, ив и кустов, засохшие ветки,

а также собирая сухой мох. Для растопки.

Потом он издал радостный возглас и помахал рукой Сашке. Прихрамывая, тот поковылял к Тиму.

– Ты погляди, чего я нашел, – сидя на корточках, показал тот на небольшую, с прозеленью полянку, усеянную веселой россыпью сыроежек.

– Красавы, – прошептал Сашка, и приятели, осторожно ступая, бережно собрали их в шапки.

Затем, вдоволь намучавшись с непривычным кресалом и отбив себе пальцы, они разожгли небольшой костерок, над которым на двух плоских камнях водрузили свой «котелок», с озерной водой и заложившей туда частью рыбы с грибами. Огонь друзья поддерживали небольшой, изредка подкладывая туда скудное топливо. В прозрачном воздухе он был едва различим и весело потрескивал, что внушало надежду.

Через некоторое время вода в банке закипела, из нее повалил ароматный пар. У беглецов затрепетали ноздри.

– Готово, – сглотнув голодную слюну, произнес Тим и, подцепив котелок веткой, осторожно поставил его наземь.

– Вот только ложек у нас нету, – сокрушенно вздохнул. – Придется хлебать прямо так, из банки.

– А вот и есть, – оживился Сашка, извлекая из кармана штанов самодельную алюминиевую ложку с коротким черенком и протягивая ее приятелю.

– Ну, ты кореш, прям волшебник, – прогудел Тим, затем, скрестив ноги по – татарски, приятели уселись на мох пе-

ред котелком и, обжигаясь, стали поочередно хлебать горячее варево.

– Вкусно, – шмыгая носом и облизываясь, бормотал Сашка.

– Лепота*, – вторил ему Тим. – Это ж сколько мы горячего не ели? Поди неделю, а Сань?

– Ну да, как от лопарей ушли. У них, кстати, с продуктами тоже было не густо. Совсем бедные. Слушай, старшина, а давай еще ухи сварим, – предложил он, когда банка опустела. – Жрать еще больше захотелось.

– Нет, – решительно заявил Тим, – вытерев ложку о штаны и вернув владельцу. – Хватит. Завтра еще поедем. А пока давай спать. Утро вечера мудренее. Бледный шар солнца действительно висел у горизонта, собираясь в обратный путь без захода.

Друзья отгребли с места, где еще тлел костер, прогоревшие угли и, прижавшись друг к другу спинами, улеглись на чуть теплую землю. Сунув под головы котомки.

– Сань, а ты родом откуда? – сонно поинтересовался Тим.

– Из Питера.

– А кем был?

– Никем. Только десять классов закончил, хотел в институт податься, но тут война. А ты?

– Я из Ростова. У нас там арбузы и лето, те-е-плое...

Проснулся Тим от какого-то тревожного чувства. На вер-

шине ближней сопки стояли два полярных волка и внимательно смотрели вниз. На них с Сашкой.

Он тут же лапнул автомат, громко выругался и передернул затвор. Оскалив клыки, волки злобно зарычали и исчезли.

– Тим, ты чего? – захлопал сонными глазами встревоженный Сашка.

– Волки, здоровенные. Я таких никогда не видел. Ростом с теленка.

– Ты знаешь, – наморщил лоб Сашка. – Я где-то читал, что на людей с ружьем они не нападают. Разве только раненые. Запаха железа и сгоревшего пороха боятся.

– Может и так, – пробурчал Тим, заботливо стирая ладонью с автомата обильно покрывшую его росу.

– Эх, нам хотя бы десяток патронов. Зря все расстрелял. Вот нарвемся в тундре на егерей* и хана. Пиши, пропало.

Он отщелкнул у «Суоми» рожок еще раз убедился, что тот пуст и огорченно вздохнул. Вставив магазин на место.

– Зато ты двух фрицев уколошил. А нарвемся, живыми не дадимся, ведь так? – уставился на приятеля Сашка.

– Конечно, не дадимся. Ну, а пока давай проверим наши снасти. Может еще чего поймалось.

Но их ждало разочарование. Одна удочка бесследно исчезла, а на той, что с шомполом, было пусто.

– Видать крупная рыба утащила, – уверенно заявил Сашка. – Когда мы спали.

Затем парни вновь собрали немного веток и мха, развели

костер, и сварили похлебку из остатков грибов и рыбы.

– Ну, вот и все, – заморили червячка, сказал Тим, сворачивая сигарку из нашедшегося в кармане бумажного листка и сухих листьев ивы.

– Будешь? – сделав несколько затяжек, протянул бычок Сашке.

– Я не курю, – чуть улыбнулся тот. – Вместо махорки получал сахар.

– Правильно, – кивнул старшина. – Я вот тоже в последний раз зобну*. А потом брошу.

Через час, забросив на плечи свой нехитрый скарб и прихватив «Суоми», моряки шли дальше, на восток. В бесконечно расстилающееся передними пространство тундр. Искрящееся на солнце.

Глава 2. Лубянка

Москва. Июнь 43-го. Лубянка. Управление военной контрразведки.

В кабинете с высоким потолком и зашторенными окнами, сидели за столом трое. Преклонных лет седой генерал, со знаком «Почетный чекист» и двумя орденами Красного Знамени на габардиновом кителе, сухощавый полковник и борцовского вида майор.

Генерал был заместителем начальника Главного управления контрразведки СМЕРШ Абакумова и, помимо прочего,

курировал по ее линии все вопросы, связанные с поставками союзниками на территорию Советского Союза военных грузов.

– Надеюсь, вам все ясно? – обратился он из своего кресла к офицерам. Обведя их выцветшими глазами.

– Так точно.

– Вы, Алексей Иванович, – уткнулся начальственный взгляд в полковника, лично отвечает за проведение всей операции. С момента получения груза в Москве и до передачи его военно-морскому атташе США в Мурманске. Об исполнении немедленно доложите мне по «вч»*. На этом все. Удачи.

Полковник с майором встали и, распрощавшись, вышли из кабинета.

Когда за ними закрылась дверь, генерал взял лежавшую перед ними серую папку с грифом «секретно», встал, и, скрипя хромовыми сапогами по паркету, прошел к стоявшему в углу несгораемому сейфу.

Отрыв дверцу ячейки, положил ее внутрь, взял другую, такую же, и вернулся на место, взглянув на наручные часы. Стрелки показывали второй час ночи.

Затем, усевшись в кресло, достал из кармана портсигар, размяв в пальцах длинную папиросу, закурил и надавил вмонтированную в стол кнопку.

– Слушаю, товарищ генерал! – возник на пороге молодцеватый адъютант в скрипучих ремнях синяя околышем фу-

ражке.

– Крепкого чаю и не беспокоить, – последовал приказ.

Адъютант молча козырнул и беззвучно вышел

Спустя несколько минут начальник прихлебывал из под-
стаканника дегтярного цвета чай, листая отпечатанные на
машинке страницы и делая время от времени на них помет-
ки карандашом. В желтом пятне настольной лампы.

На следующее утро к шлагбауму контрольно-пропускного
пункта одного из подмосковных военных аэродромов подъ-
ехали черная «эмка» и армейский «студебеккер» с брезен-
товым тентом.

Сидящий за рулем легковушки капитан предъявил на-
чальнику караула удостоверение контрразведки «Смерш»,
тот козырнул, и машины покатили к стоящему на взлетной
полосе дальнему бомбардировщику «Ил-4».

Эта, принятая на вооружение в 1940 году машина впечат-
ляла своими размерами. При размахе крыла в двадцать один
метр и длине фюзеляжа в четырнадцать, она была оснаще-
на двумя мощными двигателями, позволявшими поднимать
бомбовую нагрузку до трех тонн. Доставляя ее при скорости
четыреста километров в час на расстояние в три тысячи во-
семьсот километров. Для отражения вражеских атак в воз-
духе, «Ил» был оснащен тремя крупнокалиберными пулемет-
тами.

Рядом с самолетом автомобили остановились, и из «эмки»
вышли уже знакомые читателю полковник и майор.

По звенящему трапу из кабины на землю тут же спустился летчик и, приложив руку к виску, доложил о готовности к полету.

– А как с сопровождением? – поинтересовался полковник.

– Два истребителя Северного флота, присоединятся к нам вот здесь, в районе Архангельска, – летчик извлек из планшета карту и показал на ней отметку.

– Добро, – кивнул головой полковник. – Александр Иванович, приступайте к погрузке.

– С машины! – обернувшись к грузовику, махнул рукою майор.

Брезент «студебеккера» откинулся и на землю поочередно спрыгнули бойцы в форме войск НКВД, вооруженные автоматами ППШ, пистолетами и гранатами.

Они извлекли из кузова два окрашенных в защитный цвет деревянных ящика, сопя, погрузили их через открытый бомболюк в самолет, и сами исчезли в его темном чреве.

– Капитан, – понаблюдав за погрузкой, обратился полковник к стоявшему рядом командиру бомбардировщика. – Прикажите экипажу оставить все парашюты на аэродроме.

– Не имею права, товарищ полковник – развел руками тот. – Это нарушение летной инструкции.

– Я вам приказываю! – чуть повысил голос чекист. – У меня инструкция наркома НКВД. Вопросы?

– Слушаюсь, – нехотя ответил командир, после чего на-

правился к трапу и, звеня каблуками по металлу, исчез в самолете.

Через минуту хмурый бортмеханик выбросил оттуда четыре парашюта, а подбежавший аэродромный техник оттащил их в сторону. Затем офицеры «смерша» поднялись на борт, и бомболюк бесшумно закрылся.

Взвыли моторы, вокруг лопастей пропеллеров возникли нимбы, бомбардировщик покатил по взлетной полосе и, убыстряясь, оторвался от серого бетона.

Когда он набрал высоту, а рев двигателей перешел в ровный гул, полковник достал из кармана кожаного плаща коробку «Казбека» с черным всадником на фоне гор, открыл ее и протянул сидящему на ящиках, глядевшему в иллюминатор, майору.

– Закуривай, Саша.

– Да нет, Алексей Иванович, – обернулся к нему тот. – Что-то не хочется. Экипаж – то хоть опытный? До Мурманска почти две тысячи километров.

Полковник неспешно достал папиросу, размял ее, чиркнул зажигалкой и, глубоко затянувшись, выпустил тонкую струйку дыма.

– Не беспокойся, лучший в полку. Командир еще в Испании воевал. Орденоносец. И машина новая, с мощным вооружением. Так, что все будет в порядке.

– Ну-ну, – сказал майор. Натянув поплотней фуражку.

Сидевшие позади них в полумраке отсека на дюралевой

откидной скамейке бойцы молчали, двигатели монотонно гудели, навевая дремоту и отрешенность.

Докурив папиросу и сунув смятый окурочок в карман, полковник поднял воротник плаща (отсек не отапливался) и задумался.

Он служил в контрразведке давно. Начиная с двадцатых. Принимал участие в боях с японцами на Халхин-Голе*, в Финскую кампанию возглавлял зафронтовую разведгруппу, вслед за чем был переведен в центральный аппарат. На Лубянку. А поскольку владел английским языком (освоил на курсах переподготовки), Азарову поручили выполнение особо важного задания. Доставку в Мурманск для передачи американцам партии золотых слитков, в счет оплаты осуществляемых ими в СССР военных поставок.

Именовались они «Ленд-лиз» и являлись государственной программой, по которой Соединенные Штаты Америки поставляли своим союзникам во Второй Мировой войне боевые припасы, технику, продовольствие и стратегическое сырье, включая нефтепродукты. Первоначально в программу вовлекались страны Британской Империи и Китай, а с ноября 1941-го к ней присоединили СССР. Несущий основное бремя войны на Восточном фронте.

Объем поставок советскому государству планировался на одиннадцать с лишним миллиардов, по следующим основным маршрутам: тихоокеанскому, транс иранскому и арктическому.

Самым быстрыми, но и наиболее опасными, были арктические конвои.

В начале войны сорок процентов всех поставок шло именно этим маршрутом, и около половины отправленных грузов из-за деятельности германских люфтваффе* с кригсмарине* оказывалось на дне океана. Морская часть пути от восточного побережья США до Мурманска занимала около двух недель.

Груз с северными конвоями шёл также через Архангельск и Молотовск*, откуда направлялся по железной дороге на юг, в центральную, тыловую часть страны. Под усиленной охраной.

Тихоокеанский маршрут, обеспечивший около половины поставок по ленд-лизу, был относительно (хотя далеко не полностью) безопасным. С началом войны на Тихом океане, перевозки здесь обеспечивались лишь советскими моряками, а торгово-транспортные суда ходили только под советским флагом.

Все незамерзающие проливы контролировались Японией, и советские суда подвергались принудительному досмотру, а иногда и топились. Морская часть пути от западного побережья США до дальневосточных портов СССР занимала восемнадцать – двадцать суток.

Первые поставки в СССР по транс иранскому маршруту начались в ноябре 41 -го и, чтобы увеличить их объёмы, требовалось провести масштабную модернизацию транспорт-

ной системы Ирана, в частности, портов в [Персидском заливе](#) и железной дороги.

С этой целью союзники (СССР и Великобритания) [окупировали Иран](#), проведя необходимые работы.

В результате, уже в начале следующего года, поставки составляли в среднем восемьдесят – девяносто тысяч тонн в месяц, а в первой половине 43-его, увеличились вдвое.

Далее доставка грузов осуществлялась судами [Каспийской военной флотилии](#), до конца 1942 года подвергавшимися активным атакам [немецкой авиации](#). Морская часть пути от восточного побережья США до берегов Ирана занимала чуть больше двух месяцев.

Специально для нужд ленд-лиза в Иране было построено несколько автомобильных заводов, которые находились под управлением компании [«General Motors»](#).

Всего за годы войны с иранских предприятий в СССР было отправлено сто восемьдесят четыре тысячи автомобилей.

Кроме названного, существовало ещё два воздушных маршрута ленд-лиза.

По одному из них самолеты «своим ходом» летали в СССР из США через Южную Атлантику, [Африку](#) и [Персидский залив](#), по другому – через [Аляску](#), [Чукотку](#) и [Сибирь](#). Только по второму, к описываемому времени, было переброшено около семи тысяч машин: «Аэрокобр», «Бостонов», «Спитфайеров», а также других типов.

Все это по роду службы полковник хорошо знал и, созна-

вая ответственность полученного задания, стремился выполнить его лучшим образом.

Экипаж же боевой машины в это время занимался своей обычной работой. Командир сидел за штурвалом, уверенно выдерживая курс, а также высоту полета, штурман производил необходимые расчеты, турельные стрелки следили за воздушным пространством.

– А полковник все-таки сука, – сказал, протирая ветошью ключи в ЗИПе* бортмеханик. – Видать не верит нам, если приказал выбросить парашюты.

– У него служба такая, не верить, – обернулся со своего места командир. – Так что лучше помалкивай. Целее будешь.

– А если парашюты сопрут? – пробурчал механик. – Они на мне числятся.

– Тогда пойдешь в пехоту, – оторвался от прокладки штурман. – Ишь, ряшку наел, – подмигнул командиру. – В шлемофон не вмещается.

Вслед за этим в кабине грянул смех, и обстановка разрядилась.

Пронизывая кучевые облака, машина плыла над Среднерусской возвышенностью. В сторону Баренцева моря.

Глава 3. Бой железных птиц

Заполярье. Июнь 43-го. Лапландия.

Над голубыми тундрами, с сияющим в небе солнцем, от-

свечивая плоскостями, барражировали два немецких мессершмита-109.

Они были новейшей модификации «Густав», с повышенной мощностью двигателя и усиленным стрелковым вооружением.

Не так давно обе машины взлетели с аэродрома в Финляндии и вели в воздухе «свободную охоту».

После Сталинграда в небе Суоми* довольно часто стали появляться русские самолеты и наносить удары по финским военно-морским базам.

В кабине головного истребителя, с десятком черных кресел на капоте, как всегда невозмутимый, сидел командир авиаэскадрильи майор Рихард Шульц. Он воевал давно и успешно. Сначала в Испании, а потом Франции и Польше.

В ведомом, следующем чуть сзади и сбоку, вертел головой лейтенант Отто фон Вернер. Это был его пятый боевой вылет.

На очередном вираже, взмыв высоко в небо, майор заметил на горизонте черную точку. Через пару секунд она увеличилась и обрела контур самолета.

– Внимание, Отто, – сказал в ларингофон майор. – Вижу цель, идем на сближение!

Мессеры, включив форсаж, набрали скорость и, зайдя со стороны солнца, со звоном ввинтились в голубое пространство.

Однако на самолете, а это был идущий на предельной вы-

соте бомбардировщик, их своевременно заметили, он резко изменил направление и стал уходить в сторону моря. Но скорости машин были несопоставимы, и через несколько минут в небе над тундрой завязался бой. Неравный и смертельный.

Чувствовалось, что русский самолет вел опытный пилот, он умело уклонялся от атак, маневрируя по тонгажу* и курсу. Одновременно выставив огневой заслон из своих «шкасов»*.

– Осторожно, Отто, не горячись, – цедил в ларингофон майор. – Это новый бомбардировщик русских. Постараемся взять его в клещи и посадить на наш аэродром. Я такое уже делал.

– Слушаюсь, герр майор, – слышалось в наушниках. И воздушный бой продолжался.

Но исполнить свой план честолюбивому Шульцу не удалось. Во время очередной атаки, мессершмит его напарника срезала меткая очередь одного из турельных пулеметов бомбардировщика.

Волоча за собой густой шлейф дыма, истребитель провалился вниз, вошел в штопор, и с воем врезался в сопку. За несколько секунд до этого, из него выбросился летчик. Однако времени на полное раскрытие парашюта у него не хватило, и пилот камнем полетел к земле. Под завившемся в спираль куполом.

Русский самолет был тоже поврежден. Из-под капота правого двигателя, вырывались багровые языки пламени, а

верхний турельный пулемет умолк, уставив неподвижный ствол в небо.

Оставшийся мессер, почти в упор начал расстреливать те-ряющий ход и маневренность бомбардировщик. Всаживая в него рвущие обшивку очереди.

Теперь Рихард Шульц, ждал самого главного. Когда из подбитой машины начнут выбрасываться русские летчики. Их так забавно убивать под куполом парашюта, что он многократно проделывал в небе Европы.

Но из самолета так никто и не выпрыгнул. Он дотянул до низкой гряды сопок и с воем рухнул в тундру.

– Упрямые «иваны», – прошипел сквозь зубы майор, и его истребитель, заложив над местом гибели бомбардировщика последний вираж, растаял в пустом небе...

Старый лопарь Ярви, со склона поросшей ягелем сопки, возвышающейся на берегу обширного, с многочисленными заливами озера, внимательно наблюдал за смертельным боем железных птиц в поднебесье. Раньше такого в этих местах не случалось. Но времена изменились. В тундре стали появляться злые люди, которые обижали его племя и угоняли оленей стада, а в небе над ней, вот такие птицы. Убивающие друг друга.

Из-за них и зверя стало меньше и рыбы. Словом, плохие люди.

А на ту большую железную птицу, что последней с криком

упала за дальнюю сопку, надо обязательно взглянуть. Прошлой зимой он уже находил одну такую, однако поменьше. И совершенно целую, с мертвым белолицым человеком внутри.

У него он взял необычную кожаную шапку и блестящую сумку на длинном ремешке. А еще красивый черный амулет с шеи, в виде креста. И все отвез в финское село, старосте Ульффу.

Год назад тот приезжал со злыми людьми в стойбище и приказал лопарям сообщать ему о всех чужих людях в тундре, живых и мертвых. Обещая богатую награду – муку, спирт и табак. А еще свою дружбу.

Староста не обманул. Очень обрадовался амулету с сумкой, дал мешочек муки, бутылку спирта и пачку табаку. А затем заставил показать то место злым людям, которые увезли мертвого человека на самоходных санях и зачем-то сожгли железную птицу.

Ярви выбил о темную ладонь давно погасшую костяную трубку, поправил висящее за плечами старое ружье и сел на ездового оленя. Привязанного рядом к кусту и меланхолично жевавшего ягель.

Йо, сэрвес!* поддал тому в бока сыромятными ярами* и затащил горловую песню.

водтэдтэ, йодсэллэ сāме чйррэ пынней пудзэгэтэнь.....

тэле сыйе элькенъ йодсэллэ, кясхэллэ пудзэтъ, йодтэль....

йодтэль, йодтэль сыйе...

оассэнь коавас да элькегэнне елче...

сйнэ аһкэв куаррэв,

куаррэв мōджесь пймать я мōджесь мālеһцэтъ...

кālлас сйнэ пыннев мōджесь чūdзэгэтэ,

ваньцал мōджесь канһтэ мйллътэ....

едут, едут саамские мужчины....

вот поехали они, поехали на оленях, едут...

едут, едут они...

поставили куваксу и начали поживать...

их жены сшили,

сшили красивые пимы и красивые малицы...

мужья их охраняют красивые стада,

ходят по красивым горам...

Через пару часов, объезжая мари и снежные озерца, всадник был на месте падения самолета.

Загадочная железная птица лежала в неглубокой ложбине меж сопок. От удара о землю у нее отвалилось одно из длинных, с красными звездами крыльев и лопнуло брюхо.

Старик привязал оленя к низкорослой березке и, бесшумно ступая, опасливо приблизился к самолету. В нескольких шагах от машины остановился, внимательно ее рассматривая, и, приложив руку к уху, чутко прислушался. Ответом была звенящая тишина, да тихий клекот журавлей, тянущих вдалеке клином к югу.

Ярви бесшумно снял с плеч ружье, положив его на вросший в дерн, замшелый камень и осторожно заглянул в огромную дыру в корпусе с ребрами, образовавшуюся на месте сорванной обшивки. Затем, поколебавшись и что-то пробормотав, забрался через нее в самолет. Пахнувший смертью.

Его взгляду предстали многочисленные, не подающие признаков жизни, разбросанные внутри тела мужчин в одинаковой одежде. Она была не такой, какую Ярви видел у злых людей. Хотя и похожей.

Стараясь не шуметь, лопарь мягко ступает ярами по иско-

реженному металлу, начал трогать каждого. Мужчины были мертвы. Все одиннадцать.

Затем внимание его узких глаз привлекли судорожно сжатые в руках у некоторых, короткие ружья. Они были с необычно толстыми, дырчатыми стволами и круглыми магазинными коробками. Примерно такие, старик видел у финнов, когда те приезжали отбирать оленей и перестреляли часть стада. Колдовское оружие, выпускающее целый рой пуль. Хорошее для охоты.

Он бережно вынул из одной холодной руки такое ружье, погладил его и повесил себе за плечи.

Внезапно в пробоину проник яркий луч катящегося к горизонту солнца и в нескольких местах под ногами Ярве, вспыхнули веселые блики. Издав возглас удивления, лопарь нагнулся и поднял небольшой, матово отсвечивающий слиток.

На нем имелось клеймо: восходящее солнце в обрамлении венка из колосистых трав, а еще непонятные знаки. Лоб старика покрылся испариной – то было золото. Таинственный металл белых. Он много слышал о нем и даже видел у шамана несколько золотых монет с изображением бородатого человека.

Тот уверял, что за них можно купить большое стадо оленей. Шаману можно верить, ему обо всем рассказывают духи. А сколько монет получится из этого слитка? И из всех тех, которые мерцают на полу? Да ведь это все олени стада

в Лапландии! До самого побережья!

Но золото Ярве не нужно. Он отнесет слиток старосте и получит за него награду – муку, спирт и табак. А вот короткое ружье спрячет, пригодится для охоты. И еще возьмет в подарок внуку вон то зеленое яйцо в зарубках, что валяется у пробоины.

Старик наклонился и поднял с рифленого пола гранату «Ф-1». Приблизив ее к лицу и довольно цокая губами.

– Красивое яйцо, вот только какая-то железка сбоку, надо оторвать.

Потянул пальцами за чеку, та пружинисто отскочила и, спустя мгновение, в самолете раздался оглушительный взрыв.

Когда он затих, прокатившись эхом по окрестностям, белохвостый олень вихрем уносился в тундру. Так ревел бурый медведь, нападавший на стада. Их сэрвес панически боялся.

Глава 4. Вершители судеб

Во второй половине того же дня в Москве, не дождавшись из Мурманска обусловленного звонка, пожилой генерал связался по «вч» с начальником контрразведки «Смерш» Северного флота.

– Здорово, адмирал.

– Рад Вас слышать, Виктор Петрович

– Ну, где там мои люди, почему не звонят?

– Самолета пока нет. Кстати, истребители сопровождения с архангельского аэродрома взлететь не смогли. Там сплошная облачность и туман. А сейчас и у нас от синоптиков получено штормовое предупреждение.

– Все ясно. Ну, ты там смотри, обеспечить встречу и как только сядут, пусть Азаров сразу же отзвонится.

– Слушаюсь, товарищ генерал.

– А союзники пока не беспокоят?

– Нет. Время доставки груза им неизвестно.

– Ну, добро, бывай.

Генерал с досадой положил трубку на рычаг и взглянул на циферблат, стоящих в другом конце кабинета напольных часов. Они гулко отбили пятнадцать ударов.

В 18.00, ему вместе с начальником Главного управления контрразведки «Смерш» – генерал – полковником, докладывать о результатах операции Наркому Внутренних Дел. А тот, после полуночи, лично проинформирует обо всем Главноверха.

Контрольное время еще не вышло, но задержка самолета, а также отсутствие у него сопровождения, генерала не на шутку встревожили, и он вызвал адъютанта.

Тот появился как всегда, мгновенно, подобострастно вытянувшись в ожидании приказаний.

– Явный холуй, пора на фронт отправлять, – неприязненно подумал генерал, после чего распорядился:

– Немедленно поезжай в штаб ВВС и выясни, что с само-

летом. Пусть свяжутся со всеми штабами ПВО по линии его маршрута. Доложишь через час. И не тянись ты, как, салдафон. Здесь не плац (поморщился).

– Слушаюсь! – щелкнул каблуками начищенных сапог майор и покинул кабинет, унося с собой запах шипра*.

Генерал вздохнул и вспомнил прежнего порученца, несколько месяцев назад арестованного за шпионаж в пользу Японии. – Какой на хрен шпионаж? – ругнулся про себя. Просто шла очередная чистка рядов. С начала 30-х. А ведь какой парень был. Линию Маннергейма* штурмовал и в зафронтовых поисках себя проявил. Да что там вспоминать, не ровен час и самого в чем-нибудь обвинят. Как старого чекиста. Сколько из них молодая смена уже поставила к стенке и засадила в лагеря, по разного рода сфабрикованным обвинениям да наветам. Подумать страшно.

Невеселые думы генерала прервал резкий зуммер внутренней связи. Он покосился на аппарат и взял трубку.

– Ну, как там дела с нашим самолетом? Азаров докладывал? – послышался из нее напористый баритон начальника Управления.

– Пока нет, товарищ генерал-полковник. Контрольное время еще не вышло.

– Добро, – ответил тот и сразу же отключился.

Заместителя наркома обороны и начальника ГУКР СМЕРШ Народного комиссариата Обороны СССР Абакумова, генерал Иванов знал еще с 1937 года, когда тот был сна-

чала оперуполномоченным, а потом начальником отделения ГУГБ НКВД.

После реорганизации наркомата, в 41-м, когда он был разделен на непосредственно НКВД, которым стал руководить Берия и НКГБ, возглавленным Меркуловым, Абакумов был назначен на эту должность, которую исполнял рачительно и довольно успешно. Чем заслужил благосклонность Главко-верха и «отца народов».

Докладывать начальнику о своем разговоре с адмиралом Грозовым, Иванов не стал. Преждевременно. У того и так было много забот. Поважнее. Готовилось новое наступление на Орловско-Курской дуге и вся контрразведка «стояла на ушах». Активизируя свою деятельность.

Формировались и отправлялись за линию фронта разведывательно-диверсионные группы, осуществлялся активный поиск и ликвидация вражеской агентуры в тылах наших войск, велось несколько серьезных радиоигр с разведкой «Абвера» на направлении главного удара.

И все это было на плечах начальника СМЕРШ. Тот даже ночевал в кабинете. Откуда выдавал руководящие директивы, обеспечивая их жесткое исполнение, а также казнил и миловал.

Осторожно приоткрылась обитая дерматином дверь и появилась голова адъютанта.

– Разрешите товарищ генерал?

– Заходи, – досадливо поморщился тот. – Ну, что выяс-

нил?

– В штабе ВВС сообщили, что в назначенное время самолет приземлился на военном аэродроме Вологды, дозаправился топливом и последовал по маршруту дальше.

– Это точно?

– Да, я дополнительно связался с начальником контрразведки, дислоцирующегося там авиаполка. Тот это подтвердил.

– Все?

– Никак нет. Истребители морской авиации из Архангельска, для встречи и сопровождения бомбардировщика не взлетели. Низкая облачность и штормовой ветер.

– Свободен. Готовься завтра в командировку на Северо-Западный фронт. Засиделся ты у меня.

– Слушаюсь, – побледнел адъютант и бесшумно исчез за дверью.

Без четверти пять вечера, генерал еще раз позвонил Громову и, выслушав его доклад, приказал организовать поиски исчезнувшего самолета.

– Уже занимаемся, Виктор Петрович, – ответил тот. – На это ориентированы все находящиеся в воздухе самолеты морской авиации и наземные службы ПВО флота.

– Возьми это дело под самый жесткий контроль, подключи оперативный состав и о результатах докладывай мне лично, каждый час.

– Будет исполнено.

Генерал положил трубку на рычаг, взглянул на часы, и с первым из семнадцати ударов, вышел из кабинета, прихватив со стола тонкую коленкоровую папку с тиснением «К докладу».

Когда, тяжело ступая по ковровой дорожке, он появился в кабинете начальника Управления, тот беседовал по телефону и кивнул Иванову на стул.

– С захваченной группой разбирайтесь у себя (продолжил в трубку). А старшего и радиста утром на Лубянку. Справку об операции, за твоей подписью, по телетайпу немедленно мне. И обязательно укажи фамилии всех участников. Через час я буду у Наркома и обо всем доложу. Молодцы. Хорошо служите.

Вслед за этим Абакумов положил трубку «вч», сделал какие-то пометки карандашом в настольном календаре и удовлетворительно хмыкнул.

– Не ошиблись мы с тобой Виктор Петрович, – благожелательно взглянул на Иванова. – Правильно выцарапали Рыбакова с «Дальстроя»*, хотя кое-кто и возражал. Блестяще провел разработку. У нас под колпаком резидентура абвера в Куйбышеве, и в руках сброшенная этой ночью для ее усиления группа диверсантов с радистом. А какой там стратегический объект, ты знаешь. Есть о чем докладывать Наркому.

– Хорошо бы еще жену Рыбакова найти. Она где-то на Севере, – тихо произнес генерал. – С ней тоже поступили несправедливо.

– Уже поздно, – ответил Абакумов, отводя глаза. – Ну, да ладно, вернемся к нашим баранам. Что там с вояжем к американцам?

– Плохо, Виктор Семенович. Самолет исчез.

Карандаш в начальственной руке с сухим треском лопнул пополам.

– Исчез? Да ты что, шутишь?!

– Какие уж тут шутки. В Мурманске он не приземлялся. Абакумов нервно закурил, глубоко затянулся папиросой, выпустив из ноздрей дым, и нахмурился.

– Давай подробнее.

Иванов обстоятельно, с привязкой по месту и времени доложил все известные ему обстоятельства.

– Старшим группы у тебя там кто, Азаров?

– Да. С ним Коваленко, и отделение автоматчиков из «омсбона»*.

– А экипаж?

– Лучший в полку. Больше сотни боевых вылетов, и по нашей линии чисто.

– Машина?

– Дальний бомбардировщик Ил-4. Недавно с завода.

– Сопровождение обеспечили?

– Так точно. Два истребителя морской авиации на подлете к Архангельску. Но в назначенное время взлететь они не смогли. Низкая облачность и туман. Остались на аэродроме.

– Поиски организовали?

– Да.

– Какими силами?

– Дежурной авиацией, находящимися в море кораблями Северного флота и нашими подразделениями. Я думаю, если с самолетом что случилось, то только над морем или тундрой. Немецкой авиации там хватает.

На минуту в кабинете наступила почти осязаемая тишина, нарушаемая только размеренным стуком напольных часов, да глухим шумом автомобилей со стороны площади Дзержинского.

– Послушай, Виктор Петрович, – нарушил затянувшееся молчание Абакумов. – Ты хоть представляешь, что с нами будет, если исчезнет груз? Ведь это на несколько десятков миллионов рублей золота для взаиморасчетов с союзниками по ленд-лизу.

– Вполне, – кивнул седым ежиком генерал. – Мы принимаем все от нас зависящее.

– Значит не все, если до сих пор нет ясности! – жестко парировал начальник, смяв недокуренную папиросу в пепельнице.

– Иди, и продолжай поиски. Задействуй все, что в наших силах. Ты это умеешь. И держи меня в курсе. Иначе, сам знаешь... Не помогут никакие заслуги. Там (показал на потолок) не простят.

– Слушаюсь, – ответил заместитель, после чего встал и направился к двери.

Через полчаса, внимательно ознакомившись с занесенной ему дежурным шифровальщиком справкой, полученной из Куйбышева, Абакумов завизировал ее, положил в красную папку и поднялся с ней в приемную Наркома.

Открыв дверь, и войдя в обширное светлое помещение с портретом вождя на стене, он кивнул сидящему за столом с несколькими телефонами молодому полковнику кавказской внешности и присел на один из стоящих в приемной стульев.

Спустя некоторое время, на столе у адъютанта зазвонил телефон, приложив трубку к уху, полковник издал гортанное «слушаюсь!» вслед за чем предложил генералу пройти в кабинет.

Тот встал, одернул китель и прошагал к двери. С чувством внутреннего напряжения.

Удобно расположившись за обширным двутумбовым столом, Нарком внимательно читал «Правду». Затем на миг оторвался и, холодно блеснув стеклами пенсне, предложил Абакумову сесть. Что тот и сделал.

– Правильно пишет Пospelов о гении товарища Сталина, – темпераментно взмахнул Берия рукой и с удовлетворением отложил газету в сторону. – Очень правильно! Ты, кстати, читал?

– Не успел Лаврентий Павлович, с утра работы не спрово-рот.

– А зря. Обязательно почитай, – последовал назидатель-ный совет. – Там и о нас сказано (потыкал в газету паль-

цем). – Вооруженном отряде Партии. Сигнал к действию, так сказать.

Ну, да ладно. С чем пришел? Давай, порадууй.

– Первая новость хорошая, товарищ нарком, – доложил начальник СМЕРША. – В Куйбышеве вскрыта резидентура абвера, и ночью захвачена выброшенная для работы с ней диверсионная группа. Вместе с радистом и передатчиком.

Вслед за этим он открыл папку, взял из нее полученную справку и положил перед наркомом.

Вах! – оживился Берия, взяв документ, и стал его внимательно читать.

– Это действительная стоящая весть! – воскликнул, лучась довольством. – Будет о чем доложить товарищу Сталину. Кто у тебя в Самаре начальник?

– Полковник Рыбаков. Вы его должны помнить, Лаврентий Павлович.

– Как же, помню. Это тот, о котором ты мне год назад все уши прожужжал. Ну что ж, доверие он оправдал. Готовь документы на генерала. Присвоим второй раз. Хозяин, думаю, возражать не станет. И всех участников операции представь к наградам. Заслужили. А это дело возьми на личный контроль.

– Слушаюсь, – посветлел лицом Абакумов. Немедленно все подготовлю и сделаю. А вот вторая новость Лаврентий Павлович неважная, не знаю, как и сказать.

– Чего уж там, говори, – благодушно сказал Нарком. – Я

сейчас добрый.

– Самолет с золотом для союзников исчез...

Эти слова произвели эффект разорвавшейся бомбы.

Берия выпучил глаза, приподнялся в кресле и налился гневом.

– Ты понимаешь что несешь? Откуда такие сведения?!

– Из наших источников.

– Плевать я хотел на твои источники! Говори конкретно! – задрожал щеками хозяин кабинета.

– От начальника «Смерш» Северного флота» и командования ВВС.

– Да они там что? С ума посходили?!

– Никак нет, согласно полученным докладам, самолет с грузом и опергруппой благополучно прибыл в Вологду, там дозаправился и вылетел на Архангельск. Затем испортилась погода, и к месту назначения, в Мурманск, он так и не прибыл. Бесследно исчез. Скорее всего, где-то совершил вынужденную посадку. Сейчас ведутся его активные поиски, но пока безрезультатно.

Нарком достал из кармана белоснежный платок и утер обильно вспотевший лоб. Затем вскинул льдистые глаза на вытянувшегося перед ним Абакумова и прошипел:

– Исчез, говоришь? Да ты хоть представляешь важность этой операции?

– Да, товарищ нарком. Она касается будущих взаиморасчетов по ленд-лизу.

– Вот именно, – вновь побагровел Берия, – будущих! Мы должны показать союзникам, что уже сейчас готовы выполнять, отсроченные платежи по ним. Чтоб Рузвельт и Черчилль в нас не сомневались и не саботировали отправку жизненно необходимых стране грузов через Арктику и Иран. Это же большая политика! – вскинул над головой пухлую руку.

– И что прикажешь мне теперь докладывать товарищу Сталину? Что груз испарился?!

Берия снова утер лоб платком, налил себе в стакан боржома из стоящей на столе бутылки, и жадно выпил.

– Товарищ нарком, – каменея лицом, отчеканил генерал. – Мы сделали все, что в наших силах. Погоде не прикажешь.

– Но ее можно было предвидеть! Для этого синоптики есть! Кто у тебя готовил операцию?

– Один из моих заместителей, генерал Иванов.

– Это тот старый баран, который еще с Кедровым* работал?

– Он опытный чекист и хороший организатор.

– Вот и организовал, мать бы вас! Значит так. Синоптиков, прозевавших погоду, арестовать и отдать под суд. С твоим заместителем я сам разберусь, а пока отстрани его от дел. Мне сюда, – Нарком потыкал в стол пальцем, – подробную справку обо всем этом и план мероприятий по розыску груза. Немедленно организуй опергруппу из самых опытных розыскников и перебрось их в Вологду. Оттуда пусть и начи-

нают. Если в ближайшее время не найдешь самолет – пеняй на себя.

И благодари Бога, что Рыбаков тебе такую индульгенцию подбросил! – потряс Берия перед носом Абакумова справкой по резидентуре. Все, пока свободен.

Абакумов, деревянно ступая, покинул кабинет. Чувствуя, как ему смотрят в затылок.

Спустившись к себе, он вызвал Иванова и приказал ему в течение часа подготовить необходимые Наркому документы.

– Потом занесешь их мне, – и иди, отдыхай, Виктор Петрович. До особого распоряжения.

– Я отстранен от дел? – пожевал губами заместитель.

– Да. И это не мое решение.

В назначенное время Иванов принес стопку отпечатанных бумаг и положил Абакумову на стол. Присев напротив. Тот их внимательно просмотрел, одобрительно кивнул головой и размашисто начертал сверху «Утверждаю».

Все это время заместитель напряженно молчал, слушая как маятник часов, размеренно отсчитывает минуты.

– Ну, что ж, Виктор Петрович, план, как всегда дельный, – поднял от бумаг глаза начальник. – Будем работать. А ты, иди домой, не томи меня. Может еще и пронесет. Найдем мы этот чертов самолет...

В своем кабинете Иванов подошел к высокому окну, отдернул плотную штору и несколько минут смотрел на морозящий за стеклом дождь и темный памятник Дзержинского

на площади. По ней, в пелене брызг, куда-то спешили автомобили, у метро сновали прохожие с зонтами, «орудовец» с жезлом и в накидке, уверенно регулировал движение.

Генерал привычно убрал в сейф разложенные на столе бумаги, со звоном закрыл тяжелую стальную дверцу и запер ее. Опустив ключи в карман галифе с лампасами. Затем достал из шкафа защитную фуражку, габардиновый плащ, оделся и поднял телефонную трубку – вызвать машину. Несколько секунд подержал ее в руке, а потом опустил на рычаг. Горько улыбнувшись.

Из здания он вышел пешком, кивнув на прощание охране, и неспешно пошагал в сторону метро. С тем же именем, что и площадь.

С началом войны он практически на нем не ездил, поскольку работать приходилось до глубокой ночи. Генерала даже удивило многолюдье подземки, почти как в мирное время. Только больше стало военных.

Доехав в гремящем на стрелках вагоне до Парка культуры, Виктор Петрович поднялся наверх, вышел из вестибюля и пошел в сторону Фрунзенской набережной, где недолго постоял у закованной в гранит Москвы-реки, с уставившейся в небо длинными стволами, зенитной батареей.

Затем направился к ведомственному кирпичному дому, поднялся по гулким широким ступеням на второй этаж и отпер обитую дерматином высокую дверь. Прикрыв ее за собой, включил в прихожей свет, снял плащ с фуражкой, во-

друзив их на вешалку и, ступая хромовыми сапогами по рассохшемуся паркету, прошел на кухню.

Там достал из кухонного шкафа початую бутылку водки и стакан, потом сел за стол и наполнил его до краев. С отвращением выпив водку, поставил стакан на стол, встал и прошел в одну из комнат.

Последнее время он жил один. Единственный сын, летчик, погиб в Испании еще в 38-м. Жена умерла спустя год, узнав о его смерти. С началом войны Виктор Петрович навещался в квартиру походя, то после очередной командировки на фронт, то после госпиталя, в котором лечился, получив контузию в 42-м. В основном дневал и ночевал на службе.

Включив настольную лампу, он подошел к окну и снял с него давно уже не нужную бумагу светомаскировки, затем присел к своему рабочему столу и выдвинул один из ящиков. Оттуда извлек наган, с врезанной в рубчатую рукоять латунной пластиной и надписью на ней «За безупречную службу от коллегии ОГПУ» и небольшой альбом в бархатном переплете. Наган сунул в карман галифе, а с альбомом прилег на старый кожаный диван. Тихо и уютно скрипнувший.

Открыв его, Виктор Петрович стал перелистывать страницы.

Вот он совсем юный, в гимназической форме с матерью и отцом – учителем подмосковной гимназии, а вот более зрелый, в мундире унтер-офицера с георгиевским крестом. Вот в Первой конной, на коне и с шашкой наголо, а вот с женой,

в подвенечном платье, молодой и красивой.

На несколько минут взгляд генерала задержался на групповой фотографии, где он снят вместе с сослуживцами из особых отделов ВЧК и своим первым начальником – Кедровым.

Когда того арестовали, а затем в октябре 41-го расстреляли, он не уничтожил, как многие, этот снимок. Тяжело вздохнув, Виктор Петрович перевернул очередной лист и долго смотрел на фотографию сына – тот был снят в летной форме, сразу же после окончания училища.

По щеке поползла одинокая слеза, и он смахнул ее с лица. Потом закрыл альбом, отложил его в сторону и бездумно уставился в лепной потолок. С пыльной люстрой.

Часы в гостиной с хрипом пробили полночь, и во дворе дома послышался шум въезжающего автомобиля.

Генерал встал с дивана и подошел к окну. Из остановившейся у подъезда «эмки», вышли трое людей в кожаных плащах и неспешно прошли в парадное.

Через минуту тишину квартиры нарушил длинный звонок в дверь. В ответ раздался приглушенный выстрел...

В это же время, по блестящему после дождя Калининскому проспекту, в сторону Кунцево мчались два черных автомобиля – «паккард» и «ЗиС». На заднем сиденье первого, вальяжно покачиваясь на мягком сидении и надвинув на лоб шляпу, глядел в пространство – Берия, а в следующим за

ним на некотором удалении – Абакумов.

Грозный нарком ехал на доклад к Сталину, на его «ближнюю дачу», а начальника контрразведки прихватил с собой, в качестве возможного козла отпущения.

Примерно через двадцать минут, урча моторами, автомобили въехали на засаженную тенистыми деревьями территорию тщательно охраняемого двухэтажного особняка и остановились перед входом. Прибывшие вышли из машин, хлопнули дверцы и оба проследовали в дом.

Берия впереди, Абакумов сзади.

Переступив порог, они оказались в небольшом тамбуре, из которого прошли в прихожую. На ее стенах, отсвечивая гляncем, висели две больших карты: одна армейская, с нанесенной на ней линией фронта, вторая географическая, с обозначением объектов наиболее важных строек в СССР.

Здесь же, в полукруглой нише, имелась настенная вешалка, рассчитанная на пару десятков персон, несколько мягких стульев, высокое, матово отсвечивающее зеркало, а также набор щеток для чистки платья и обуви. На паркетном полу лежал бухарский ковер ручной работы, с замысловатым узором.

– Ты пока здесь посиди, подумай, – обернулся к Нарком к генералу, вешая на крючок шляпу и приглаживая жидкие волосы. – А я к Хозяину.

Абакумов кивнул, снял фуражку и присел на один из венских стульев, а Берия прошел в дальнюю часть прихожей и

осторожно постучал в первую слева дверь. Затем вошел, и тихо прикрыл ее за собой. Оставив Абакумова с его невеселыми размышлениями.

Переступив порог, Нарком оказался в просторной уютной комнате, с весело потрескивающими в камине поленьями и стоящим напротив затененных шторами окон, у глухой стены, кожаным диваном.

В центре помещения, ближе к камину, за большим широким столом, с разложенной на нем топографической картой, усеянной многочисленными отметками, сидел и делал какие-то пометки в бумагах, человек в полувоенном костюме и с погасшей во рту трубкой. Рядом с ним, у локтя, остывал чай в серебряном подстаканнике, чернела коробка папирос «Герцеговина Флор» и спички.

– Разрешите, товарищ Сталин? Нарушил тишину Берия.

Человек продолжил писать, затем неспешно отложил в сторону остро отточенный карандаш и поднял голову.

– Проходи, Лаврентий. С чем пришел?

– Как обычно, по делам, Коба.

– Все у тебя дела, совсем заработался, – человек взял спички, чиркнул одной и раскурил трубку.

– Вот вчера ко мне Калинин с Микояном и Ворошиловым заезжали – поговорили, «кинзмараули» выпили, тебя вспоминали. А ты не приехал (поднялись вверх густые брови)

– Очень уж дел много, до утра работаю, – вздохнул Нарком.

– У всех нас их много, а встретиться, посидеть, надо. Или зазнался?

– Что ты, Коба, я всегда счастлив быть рядом с тобой. Мамой клянусь, – приложил Берия к груди руку.

– Ну, вот и приезжай, завтра как раз выходной. И Кабулова с собой прихвати, пускай барашка и сулугуни привезет. Посидим, вспомним молодость, родные места, немножко выпьем.

– С радостью приеду.

– Ну, а теперь садись, рассказывай о делах, – сделал пригласительный жест хозяин кабинета.

Нарком присел на стул у приставного стола, положив перед собой папку.

Затем доложил о раскрытой в Куйбышеве немецкой резидентуре и захваченной диверсионной группе.

Вождь, заинтересованно выслушал его и одобрительно хмыкнул.

– Значит, и туда добрались, подлецы. К нашим засекреченным объектам. Кто проводил операцию, НКВД?

– Нет, товарищ Сталин, военная контрразведка. Абакумов.

– Молодцы, контрразведчики, пришли мне официальный документ.

– Он со мной. Щелкнув кнопками, Берия достал из папки справку и передал Сталину.

Тот ее внимательно прочел и стал постукивать пальцами

по столу.

– Значит, будут работать под нашим контролем? А, Лаврентий?

– Да, – ответил тот. – И дезинформировать противника о планах нашего предстоящего наступления.

– А какой это Рыбаков, не тот ли, что при Ежове арестовали?

– Именно. За него Абакумов с Ивановым ходатайствовали.

– Помню, – кивнул головой Сталин, вынимая изо рта трубку и бережно кладя ее на бумаги.

– Всех представить к наградам, а Рыбакова восстановить в звании. Он оправдал наше доверие. Ответственно работает Абакумов, пусть твой Кабулов у него поучится. Все с чеченцами и немецкими диверсантами в горах разобраться не может.

Берия поежился после заключительных слов «отца народов» и попытался что-то сказать. В оправдание.

– С этим все. Решили, – отмахнулся тот. – Что дальше?

– Товарищ Сталин (втянул голову в плечи Нарком), у нас «чп». Самолет с грузом золота для союзников пропал.

Рука вождя, которой он собирался взять трубку, чуть вздрогнула и легла на стол.

В сузившихся глазах появился хорошо знакомый Наркому золотистый блеск – предвестник нарастающего раздражения.

– Как так пропал? Это тебе что, иголка?

– Утром взлетел и не приземлился в назначенное время в Мурманске.

– Почему только сейчас докладываешь?

– Не хотел преждевременно беспокоить. В том районе была густая облачность и он, возможно, сбился с курса или совершил вынужденную посадку. Организован активный поиск всеми имеющимися средствами.

– Результаты?

– Пока ничего. Час назад отправили в Вологду, где он садился на дозаправку, оперативную группу из Главного управления контрразведки.

– Операцию организовывал Абакумов?

– Так точно, под моим контролем.

– Где он?

– Ожидает в прихожей.

– Зови, – шевельнулись усы. – Будем разбираться.

Берия вышел и вернулся с генералом.

– Здравия желаю, товарищ Сталин! – вытянулся тот, сделав несколько шагов к столу.

– И тебе не хворать.

Вождь медленно поднялся с кресла (Нарком тут же встал) и неслышно ступая по ковру ногами в мягких сапогах, подошел к Абакумову.

– Кто у тебя непосредственно занимался подготовкой операции? -взглянул снизу вверх.

– Генерал-майор Иванов. Мой заместитель.

– Снова Иванов, – обернулся Верховный к Берии. – Да он у вас, я смотрю, незаменимый.

Затем, сутулясь, вернулся к столу, набил трубку и, сломав спичку, раскурил ее. Окутавшись дымом.

– А знаете ли вы, что это народное золото, добытое кровью и потом, – вкрадчиво обратился вождь, к застывшим с побледневшими лицами чекистам.

Те молча кивнули.

– И как оно политически важно для активизации поставок по ленд-лизу тоже знаете, – констатировал Сталин. – Так это что? Предательство или саботаж?

Ответом было тягостное молчание.

– Ты, Лаврентий, найди виновных и примерно накажи их, – ткнул чубуком в сторону Берии.

– Уже занимаюсь, товарищ Сталин, – сделал решительное лицо тот. – Лично.

– А ты, – вперил вождь палец в Абакумова, – отыщи самолет.

– Идите пока. Оба.

Нарком и генерал повернулись и бесшумно вышли из кабинета. Чувствуя спинами гипнотический взгляд Верховного.

В прихожей Нарком дрожащей рукой вынул из кармана платок и утер повлажневшее лицо, а начальник СМЕРША приложил ладонь к дергающемуся нервным тиком глазу.

Между тем уже светало.

В кронах деревьев шелкала какая-то птица, за дальним сосновым бором занималась розовая заря. Они полной грудью вдохнули холодный предутренний воздух, и сели в ожидавшие, покрытые росой, машины.

– На Лубянку, поправив шляпу, – бросил шоферу Берия, после чего автомобили тронулись в обратный путь. К столице.

Глава 5. Герои Нарвика и Крита

Подлетая к аэродрому на окраине лесного массива, Шульц запросил разрешение на посадку и, приземлив самолет, подрулил к алюминиевому ангару. К нему тут же заспешил механик и несколько летчиков эскадрильи.

Заглушив двигатель, майор сдвинул назад фонарь*, выбрался из кабины, и, спустившись на землю, освободился с помощью механика от парашюта.

– А где же Отто, герр майор? – поинтересовался кто-то из пилотов.

– Погиб во славу Рейха, – поглядел на него прозрачными глазами командир.

– Макс, – обратился затем к механику. – Проштампуй на капоте еще один крест. Мы с лейтенантом сбили дальний бомбардировщик русских.

– Яволь! – господин майор, шелкнул тот каблуками. – Бу-

дет сделано!

— К группе, стоящей у остывающего мессершмита, рысцой подбежал дежурный по эскадрильи и доложил майору обстановку.

— Вызовите мне машину, — приказал тот, и, в сопровождении подчиненных, неспешно пошагал унтами к двухэтажному кирпичному строению. Расположенному за ангарами.

Через час, благоухающий чистотой и облаченный в отутюженный мундир с двумя рыцарскими крестами, Шульц уселся в подъехавший к дому черный «опель» и уехал на доклад к командиру полка, в расположенный неподалеку городок Рованиemi, именуемый у финнов столицей Лапландии. Он располагался в восьми километрах южнее полярного круга, на слиянии крупных северных рек Оунасяоки и Кемийоки, с населением в тридцать тысяч аборигенов.

Единственной достопримечательностью «столицы» была деревня Йоулупукки, в пригороде, где по финским преданиям родился Санта Клаус*. На что Шульцу было глубоко наплевать.

После европейских столиц эта дыра майору чертовски надоела. Поскольку в ней не было ни одного приличного ресторана или борделя.

Штаб соединения разместился в каменном особняке в центре, с высокой, готического стиля крышей и широким крыльцом. Перед ним росли несколько карельских сосен, а у входа застыли два часовых с винтовками.

При появлении майора они вздернули подбородки и вытянулись.

В расположенном на втором этаже, отделанном светлым кленом кабинете, находился сам оберст*, похожий на высохшую хищную птицу, и командир горнострелкового полка подполковник Вульф – коренастый и жизнерадостный крепыш.

Сидя в креслах напротив друг друга, они неторопливо пили кофе и обсуждали план взаимодействия в предстоящей наступательной операции.

– Хайль Гитлер! – выбросил руку в нацистском приветствии Шульц, появившись на пороге кабинета.

– С возвращением вас Рихард, – сказал оберст, аккуратно поставив чашку на стол, и подойдя к майору, пожал тому руку.

Рад вас видеть, Рихард, – кивнул бритой головой Вульф, продолжая пить кофе.

– А где же наш юный «Зигфрид»? – поинтересовался оберст.

– Лейтенант Отто фон Вернер погиб в бою, – сделал скорбное лицо майор. – Смертью героя.

Оберст печально опустил глаза и вздохнул. – Бедный мальчик, он был так молод.

– А к тому же еще и чертовски богат, – подумал про себя Шульц.

– И кто же его сбил?

– Дальний бомбардировщик русских. Шел на Мурманск. И отчаянно сражался. Я давно не встречал такого противника.

– Как погиб фон Вернер?

– Выбросившись из машины, он не успел раскрыть парашют и разбился.

Лицо оберста приняло скорбное выражение, и он нахмурил белесые брови. Вульф участливо поморщился и вздохнул. Для приличия.

Затем командир гарнизона присел к столу и пригласил майора присесть. Что тот и сделал.

– Курите, Рихард, – отличные бразильские сигары, – придвинул к нему лакированную коробку. Майор Вульф только что оценил их достоинство.

– Табак высший класс, – поддержал его майор. – Рекомендую.

Шульц отрезал переданными ему оберстом миниатюрными щипцами конец извлеченной из коробки сигары, щелкнул зажигалкой и окутался клубами ароматного дыма.

– Ну, как вам? – поинтересовался Вульф.

– Недурно. Подобные я последний раз курил в Париже.

– О! Франция, – почмокав губами закатил глаза майор. – Кафе, варьете, жизнерадостные парижанки. Это вам не Суоми, со жгучими морозами и мужеподобными бабами.

– Господа, насколько вам известно, – обратился к офицерам оберст, – лейтенант Отто фон Вернер, отпрыск старин-

ного германского рода и крестник самого рейхсмаршала*.

И я считаю своим долгом немедленно доложить ему об этом. Предлагаю встретиться у меня через час.

Вульф с Шульцем встали, энергично кивнули головами и вышли.

Когда в назначенное время они снова появились, оберст внимательно изучал лежащую перед ним топографическую карту.

– Присаживайтесь, господа. Шульц, вы можете показать на карте место гибели Вернера?

– Безусловно, я этот квадрат хорошо знаю. В нем озеро, напоминающее сверху оленью голову.

Командир эскадрильи встал, взял из подставки на столе синий карандаш и быстро нашел на карте нужное место.

– Действительно, – одобрительно хмыкнул оберст. – Форменная голова оленя. Отличный ориентир.

– Господа! – встал из-за стола. Рейхсмаршал лично поручил нам отыскать тело любимого крестника и транспортным самолетом доставить его в Германию. Для организации торжественных похорон. Вышестоящее командование о его приказе я уже проинформировал. Прошу учесть, что рейхсмаршал не забывает об оказанных ему услугах.

– Итак, Рихард, судя по измерениям, которые я сделал на карте, до этого квадрата чуть больше двухсот километров.

– Так точно, господин полковник.

– Людвиг, – последовал вопрос к майору – ваши егеря бы-

вали в этих местах?

– Нет, так далеко мы еще не забирались.

– Что ж, придется их навестить. Какое количество людей и сколько времени нам понадобятся на поиски.

– Я думаю, достаточно отделения егерей с опытным проводником. А по времени это займет не меньше недели.

– Почему так долго?

– Начало лета, – пожал плечами Вульф. – Тундра растаяла, и бронетранспортер далеко не пройдет. Основную часть пути придется идти пешком. Да и обследование квадрата займет немало времени.

– Тогда за дело. Я займусь проводником, а вы готовьте группу с бронетранспортером.

Когда офицеры покинули кабинет, фон Штимлер, – так звали оберста, снял трубку и вызвал к себе начальника охраны аэродрома. Он был финн и хорошо знал местных жителей.

– Послушайте, Тикконен, – обратился оберст к явившемуся по вызову светловолосому капитану. – Нам, для наземной разведки необходим хорошо знающий тундру проводник – финн или лопарь. Найдите такого.

– Лучше лопарь, господин полковник – чуть подумав, сказал Тикконен. Они всю жизнь в них проводят. И я знаю одного такого. Он сейчас как раз в городе, в гестапо – доставил туда сбежавшего из лагеря норвежца.

– О! Это местный патриот? – заинтересованно взглянул

на капитана Штимлер.

– Скорее коммерсант, – чуть улыбнулся тот. – Он получит за беглеца щедрое вознаграждение.

– Немедленно найдите его и доставьте ко мне.

– Слушаюсь! – вздернул подбородок капитан, повернулся кругом и пошел к выходу.

Через час в кабинете оберста стоял низкорослый человек с узкими глазами и хитрым лицом, в высокой шапке на голове, меховой куртке и остроносых, с загнутыми вверх носками, сапогах из оленьей кожи. За плечами у него висела длинная винтовка «Бердана» с обшарпанным ложем, а на широком цветном поясе висел нож с деревянной рукояткой и замшевый мешочек с огнивом.

– Скажите туземцу, что мы дадим ему целую банку спирта и списанный парашют, если он проведен наших людей вот к этому озеру, – обратился Штимлер к стоящему рядом капитану и указал карандашом на карту.

Тот с минуту что-то что-то говорил оживившемуся и утвердительно кивающему головой лопарю, затем выслушал его ответ и обернулся к Штимлеру.

– Он согласен, господин полковник и проведет к озеру, если вы разрешите посмотреть на него на карте.

– А разве туземец умеет ее читать? – удивился начальник гарнизона.

– Да, – последовал ответ. – Он был проводником в шведской экспедиции до войны. Несколько месяцев.

– Отлично, – согласился оберст. – Пусть смотрит.

– Тикконен бросил лопарю несколько слов, тот, по коша-
чьи мягко, подошел к столу, наклонился, и стал вниматель-
но рассматривать карту в том месте, куда уткнулся карандаш
оберста.

Затем вернулся назад и, жестикулируя, что-то быстро ска-
зал финну.

– Господи полковник, – перевел капитан. – Лопарь сказал,
что это очень плохое озеро. Называется оно Оленьим и охот-
ники всегда обходят его стороной.

– Почему? – скрипнул креслом оберст.

– Капитан снова вступил в беседу с проводником, а затем
перевел.

– Когда-то, очень давно, целая община местных абориге-
нов погибла там от козней каких-то злых карликов, якобы
живущих под землей. Лопари называют их «сайвок» и очень
боятся. С тех пор они считают озеро проклятым и там никто
не бывает.

– Это все детские сказки, – ухмыльнулся Штимлер. – А
почему оно называется Оленьим?

– Лопарь не знает, говорит, так было всегда. Название
пришло от предков.

– Так он готов оказать услугу великой Германии? Или
нет? – забарабанил пальцами по столу Штимлер.

Капитан перевел слова оберста лапландцу, тот, опасливо
косясь на начальника, что-то пробормотал и поднял вверх

два пальца.

– Он требует две банки спирта и два парашюта.

– Жадная каналья, – усмехнулся Штимлер. – Ну, что ж. Я согласен.

Затем он позвонил Вульффу и сообщил, что отправляет в его полк опытного проводника, а капитану приказал обеспечить сопровождение того в часть.

– Да смотрите, чтоб не сбежал, – напутствовал того на прощание. – Скользкий тип. Выполняйте.

Утром следующего дня майор лично инструктировал вызванного к нему в кабинет старшего фельдфебеля Ирвина Кранка. Ветерана соединения, не раз проводившего всевозможные поисковые и разведывательные операции.

Я надеюсь на вас, – напутствовал он стоящего перед ним в походном снаряжении коренастого фельдфебеля и похлопал того по широкому плечу.

– Мы выполним задание, господин майор! – подобострастно рявкнул тот. Можете не сомневаться!

– Удачи вам, Кранк. И следите за проводником. Местные туземцы хитры и коварны.

– Слушаюсь, герр майор! Разрешите идти?

– Идите.

Фельдфебель вышел из штаба полка и проследовал к стоящему неподалеку легкому гусеничному бронетранспортеру, у которого весело балагурили и дымили сигаретами с ментолом, егеря его группы. Их было девять, со служебно-розыск-

ной собакой. Здесь же, рядом, сидел на корточках лопарь, невозмутимо покуривающий трубку.

При виде командира егеря замолкли, швырнули наземь окурки и быстро выстроились у машины.

Звения шипами высоких ботинок по граниту, Кранк прошел вдоль короткого строя, оглядывая солдат. Это были рослые спортивные парни, с жесткими обветренными лицами, экипированные в форму альпийских стрелков. С кинжалами у пояса, шмайсерами на груди и горными ранцами за плечами.

– В машину! – оставшись доволен осмотром, приказал фельдфебель и направился к кабине водителя.

Перебрасываясь шутками, егеря ловко забрались в кузов бронетранспортера, туда же сиганула и овчарка, а последний дал крепкого пинка замешкавшемуся проводнику.

Вперед, герои Нарвика и Крита! – хрипло проорал кто-то в кузове и, взревев мотором, машина сорвалась с места.

«Мчись, могучий поток,
Выше головы, парни,
Вы теперь не в Баварии,
Путь ваш, вперед на Восток!»

донеслось из ее боевого отсека.

Сидящий в кабине Кранк, не обратил внимания на допускающих вольности солдат. Их можно было понять.

Полк не так давно был отведен на кратковременный отдых с передовой из-под Мурманска, а в небольшом лапландском городке никаких развлечений, не было. Письма и газеты с фатерлянда* доставлялись с опозданием, а старые фильмы были все пересмотрены. Вот и сидели парни целыми днями в казармах – дрыхли, резались в скат,* да потягивали шнапс. Изредка наведываясь в город.

И этот необычный выезд в летнюю тундру, для них был все равно, что прогулка ни пикник.

Унтер-офицер Ланге, взводный балагур и пройдоха, даже предложил поискать там местных туземок, чтоб поразвлечься с ними.

– А что? Было бы неплохо.

Фельдфебель мечтательно улыбнулся, отстегнул с пояса обшитую войлоком флягу и сделал из нее изрядный глоток. Крепкий ром обжег глотку и приятным теплом растекся по телу.

Между тем, лязгая гусеницами, бронетранспортер уже около часа двигался в солнечном мареве тундр, нарушая их вселенскую тишину и оставляя за собой рубчатый след. Сорванного мха и дерна.

Это был состоявший на вооружении Вермахта серийный «Ханомаг», со стосильным двигателем и легкой броней, оснащенный станковым пулеметом. Он мог развивать скорость до пятидесяти километров в час, при дальности хода до трехсот. Без дозаправки. На этот случай в кузове име-

лась бочка горючего. Предусмотрительно захваченная водителем.

По пути встречались все больше образовавшихся от талого снега озер и топей, которые приходилось объезжать, и продвижение вперед было не столь быстрым, как того хотелось.

Опытный Кранк не испытывал иллюзий по поводу того, что на тяжелой машине удастся добраться до конечной точки пути. Указанной на карте. Рано или поздно их маршрут станет для нее непроходимым. Но чем больше они проедут, тем меньше придется идти пешком. И это предусмотрено полученными от майора инструкциями.

В таком случае, бронетранспортер с водителем останутся на месте, а поисковая группа проследует дальше. Затем они возвратятся с телом летчика, которое, фельдфебель уверен, найдут, вновь погрузятся в машину и отправятся назад. Достойно выполнив задание.

Перед очередным, судя по виду, реликтовым* озером, фельдфебель приказывал водителю остановиться и, хлопнув дверкой, выбрался из кабины.

Обозрев окрестности в бинокль, он разрешил солдатам оправиться и перекурить, а сам достал из планшета карту и подозвал к себе проводника с Ланге, который, неплохо владел финским языком и местными наречиями.

– Судя по карте, мы в этом месте, – ткнул он пальцем в голубую точку на ней. – Спроси у лопаря, так ли это?

Ланге, подбирая слова, спросил, и проводник, взглянув на точку, утвердительно кивнул головой в шапке.

— А теперь выясни, как зовут эту обезьяну?

— Мунк, — белозубо оскалился унтер-офицер. — По ихнему волк, насколько мне известно.

— Вперед, Мунк! — взмахнул рукой командир и направился к машине.

Егеря с гоготом погрузились в бронетранспортер, и, лязгая гусеницами, он тронулся с места.

На следующий день тундра стала более непроходимой для тяжелой машины, и та, увязая в грязи, с трудом продвигалась по зыбким марям.

При очередной остановке фельдфебель вновь рассматривал карту и прокладывал маршрут вместе с проводником при участии Ланге, а затем отпустив их, поднялся на сопку, у подножия которой приткнулся бронетранспортер. Остывая и потрескивая мотором.

В горный бинокль он внимательно оглядел далекий горизонт и заметил на юго-востоке едва различимую струйку дыма.

Через несколько минут, покрытая грязью и болотной тиной рычащая машина, оставляя позади синие выхлопы, поползла в ту сторону.

Спустя час, она достигла обширной, покрытой карликовым лесом и редким кустарником долины, в центре которой стояло неказистое конусообразное строение из шестов, по-

крытое шкурами.

Перед ним горел жаркий костер, на котором парил закопченный котел, и стояла небольшая группа людей; а чуть в стороне, несколько тощих после долгой зимы ездовых оленей на привязи. Беспокойно вскидывавших рогатые головы и перебиравшие тонкими ногами.

В десятке метрах от жилища бронетранспортер резко затормозил, сбросив газ, и егеря прыгнули на землю, передернув затворы автоматов. Затем, во главе с Кранком, подошли к костру. Охватив его полукругом.

Стоявшие у огня люди – средних лет мужчина с женщиной, к которой прижимались девочка-подросток и мальчишка, испуганно смотрели на незнакомцев и неведомое им чудовище. Впереди, ошетинившись загривком, скалила белые зубы крупная лайка.

Приказав солдатам осмотреть жилище и ближайшие окрестности, фельдфебель подозвал к себе Ланге с проводником, указав на людей пальцем.

– Выясните, кто они и откуда.

Посасывая трубку, Мунк задал мужчине несколько вопросов и тот, отвечая ему, махнул рукой в сторону востока.

– Это саамы из кочевого стойбища. Возвращаются домой после зимней охоты, – перевел Ланге.

– Спроси, не встречали ли они в тундре других людей?

На вопрос проводника мужчина отрицательно повертел головой, – нет.

В это время к Кранку подошел ефрейтор и доложил, что жилище и окрестности вокруг него осмотрены. Ничего подозрительного не обнаружено.

— Правда, в чуме много пушнины. Даже не верится, что столько добыл один туземец, — кивнул он на саама.

— Хорошо, выстави охранение, и разбивайте лагерь. Здесь остановимся на ночлег, — приказал фельдфебель.

Внезапно проводник что-то пробормотал, сделал шаг вперед, и, сдернув с головы мальчика суконную шапку, протянул ее Кранку.

На ней алела маленькая звездочка с отколовшейся на одном луче эмалью.

Тот взял шапку, повертел в руках и поднес к лицу охотника.

— Откуда это? — ткнул пальцем в звездочку.

Саам что-то ответил и развел руками.

— Господин старший фельдфебель! — донеслось от жилища, и к Кранку поспешил один из егерей.

— Вот, нашел в их конуре — протянул рваные кирзовые сапоги. — Такие носят «иваны».

— А это что? — кивнул фельдфебель на сапоги и, не получив ответа, ударил охотника кулаком в лицо. Коротко и сильно.

Саам покачнулся, но устоял на ногах и схватился за висящий на поясе нож. Успев выдернуть наполовину.

Тут же прогремели несколько выстрелов, и он, вместе с

хрипящей лайкой, которая попыталась вцепиться Кранку в горло, покатился наземь. В руке хищно ощерившегося Ланге, дымился парабеллум.

– В отношении туземца, ты несколько поторопился, Фриц, – бросил ему Кранк, бесстрастно наблюдая, за рыдающей на груди мужа женщиной и онемевшими от ужаса детьми. С широко распахнутыми глазами.

– Ничего, баба нам все расскажет, – ухмыльнулся унтер-офицер, и схватив мальчика за шиворот, приставил ему к голове ствол люгера*.

Ребенок стал вырываться и визжать, а мать, оторвавшись от мужа, поползла к немцам на коленях, заливаясь слезами и что-то бессвязно лепеча трясущимися губами.

Из ее слов выяснилось, что неделю назад у саамов оставались на ночь двое чужих людей. Утром они собрались и ушли на восток.

– Как выглядели эти люди, и было ли у них оружие? – обратился Кранк к Ланге.

Через проводника тот установил, что они были измождены, в рваной одежде и с оружием.

– Расстрелять, – бросил фельдфебель Ланге, и тот с одним из солдат потащил обезумевшую женщину в ближайший кустарник.

Спустя минуту оттуда донеслась короткая очередь, и егеря вернулись к костру. С чувством выполненного долга.

Все это время Мунк сосредоточенно почмокивал своей

трубкой и, щуря узкие глаза, равнодушно наблюдал за происходящим. Ему это было безразлично. Проводник думал о награде.

Между тем солдаты сняли с догорающего костра благоухающий свежей рыбой котел, поставили его на аккуратную расстеленную у бронетранспортера пятнистую плащ-палатку, с блестящими на ней коробками консервов и ломтями тонко нарезанного хлеба. Затем, по знаку командира все уселись вокруг, поджав под себя ноги, и принялись с аппетитом хлебать из котла складными алюминиевыми ложками наваристую уху. Свою долю, в чашке из бересты, получила и овчарка

Одинокое сидящему по другую сторону костра Мунку, кто-то со смехом бросил пачку черствых галет. В яркой упаковке.

После обеда, а точнее ужина, поскольку незакатное солнце весело у западной кромки горизонта, егеря разморено сидели на плащ-палатке, дымили сигаретами, передавая по кругу флягу, и лениво переговаривались.

Основным предметом разговора являлись несколько связок найденных в саамском жилье песцовых шкурок, среди которых имелись три необычно редких – коричневых с серебристым отливом.

Это были, так называемые «голубые» песцы, при виде которых даже невозмутимый Мунк оживился и зацокал языком. Выражая восхищение. Их уже упаковали в кожаный мешок, и по указанию Кранка поместили в кабину броне-

транспортера. Егеря гадали – поделится с ними прижизненный фельдфебель или нет. За шкурки в лапландской столице можно было достать хорошую выпивку.

А тот, провожаемый их завистливыми взглядами, уже неспешно шагал к чуму, в котором спрятались оставшиеся в живых дети. Подойдя, он наклонился, откинул полог и исчез в темном проеме.

Через минуту из жилища донесся громкий ребячий плач, а чуть позже душераздирающий крик девочки.

– Ну и хваткий парень наш командир, – ухмыльнулся громадный ефрейтор. – Даже в тундре найдет, где поразвлечься. Солдаты загоготали и стали отпускать сальные шутки.

Спустя некоторое время крики в чуме прекратились, и оттуда появился довольный Кранк. Застегивая штаны и блаженно щурясь на солнце.

– Ланге, твоя очередь. Ты сегодня заслужил! – бросил он резво вскочившему унтер-офицеру и, присев на корточки у костра, подбросил в него несколько сухих веток.

Затем, приказав одному из егерей сварить кофе, забрался в кабину бронетранспортера, пихнул себе под голову мягкий мешок с пушниной и, развалившись на сидении машины, погрузился в приятную истому.

Очнулся Кранк от металлического щелчка. У открытой бронированной дверцы стоял Ланге.

– Кофе с ромом готов, Ирвин, прошу. И протянул ему кружку с ароматно дымящимся напитком.

Фельдфебель поднес ее ко рту, сделал глоток и довольно прищурил глаза:

– Настоящий бразильский.

– Да, – ответил Ланге. – Как в старые добрые времена на Крите.

Допив кофе, Кранк отдал кружку унтеру, закурил и выбрался из кабины.

Белесый шар солнца совершал свое обратное путешествие по высокому небу в сторону востока. На плащ-палатках, вповалку, храпели его солдаты, а из чума доносились приглушенные всхлипы и рычание ефрейтора.

– Это наш Гюнтер ублажает саамскую девку, – рассмеялся бодрствующий Ланге...

Рано утром идущая след в след цепочка людей, в сопровождении навьюченных ранцами двух оленей, удалялась в безмолвие тундр, а у бронетранспортера остался пожилой хмурый водитель, провожавший ее взглядом.

Когда последний олень исчез в туманном мареве, он забрался в кузов, проверил установленный в нем станковый пулемет «МГ», поправив вставленную в приемник ленту, прыгнул на землю и сутуло пошел к чуму.

Тела мужчины и трупа собаки у костра уже не было – егеря оттащили их в ближайшие кусты.

Солдат хмуро посмотрел в ту сторону и сплюнул. – Герои Нарвика, черт бы вас побрал...

Потом, откинув полог, шагнул внутрь чума, щелкнул зажигалкой, выставив ее перед собой, и осмотрелся.

У наклонной стены, вцепившись ручонками в деревянную жердь остова и поскуливая, комочком сжался мальчик; а ближе к центру, у холодного очага, на кипе вытертых оленьих шкур раскинулось обнаженное тело девочки, с широко открытыми глазам и застывшей струйкой крови на прокушенной губе.

Солдат нагнулся, коснулся худенького тела рукой и отдернул ее. Потом снял с перекладки какое-то тряпье и накрыл им девочку.

Постояв несколько секунд неподвижно, он сделал шаг к мальчику, вынул из кармана плитку шоколада и протянул ее ребенку.

Глава 6. Находка

Высоко в арктическом небе парил старый кречет – небесный хозяин этих мест. Он изредка взмахивал широкими крыльями и вглядывался все еще зоркими глазами в проплывающую под ним тундру.

Вся мелкая живность – полярные куропатки, зайцы, песцы и лемминги, спешили укрыться в камнях, щелях и норах при появлении бесшумно несущейся по земле тени громадной птицы.

На очередном витке своего полета хищник что-то заметил

у далекой гряды сопок и спланировал к ней. Затем мгновенно взмыл ввысь и заскользил обратно.

За свою долгую жизнь кречет не раз встречал то, что увидел. Это были двое бескрылых существ, способные метать громовые молнии в птиц. Одна такая, давным – давно, сразила его подругу. И хозяин небес помнил это.

– Санек, смотри какой обед летает, – с тоской поглядел вслед удаляющейся птице, бредущий впереди Тим, волочащий за собой по мху давно бесполезный «Суоми». Плутущийся сзади продолжал слепо двигаться, пока не уткнулся ему в спину и упал. На изумрудный мох. Такой мягкий и пахнувший свежестью.

– Все, Тим, я больше не могу, – прошептал он, закрыв глаза. В которых все плыло и кружилось.

Старшина устало сел рядом, утер изодранным рукавом ватника вспотевшее, лицо и уронил голову на грудь. Несколько минут в тишине слышалось только их хриплое дыхание да мучительный кашель Сашки. Свистящий и надсадный.

За прошедшую неделю ребята еще больше осунулись и почернели – рыба в мелких озерцах больше не попадалась, да и ловить ее было не на что, кончилась наживка. Питались молодым ягелем, изредка встречающейся прошлогодней вымороженной морошкой и вызывающими тошноту сырыми грибами. Сырыми. Потому, что варить их было не на чем.

Выбираясь из зыбкого болота, куда они ненароком забре-

ли, беглецы едва не утонули и лишились котомки с огнивом, кресалом и котелком. К тому же Сашка вывихнул ногу, которая посинела и опухла, а Тим, постоянно жуящий всякого рода зелень и даже кору деревьев, мучительно страдал животом. То и дело отходя в сторону, сдергивая штаны и приседая.

Все эти дни, неторопливо и упорно, за ними следовали волки. Теперь их было двое. Близко звери не приближались, но то и дело возникали на дальних сопках и марях.

Через некоторое время Сашка со стоном приподнялся, морщась от боли в ноге сел, бросил мутный взгляд на поникшего головой Тима и прислушался.

Откуда-то издалека, с простирающегося справа плато, едва различимо доносился волчий вой. Низкий, протяжный и тоскливый.

Сашка вздрогнул и повернул на него голову. В самом начале уходящего к горизонту массива, белело какое-то пятно. И не такое, как остатки снега, тающего в его складках. Яркое и серебристое.

– Тим, – хрипло прошептал он.

– Чего? – ответил тот, чуть шевельнув губами.

– Посмотри, что там, справа, за белое пятно. Или мне мерещится?

– Напарник поднял голову, потер лицо руками и стал бессмысленно озиаться.

– Да справа, я тебе говорю. Вон, у плато, – показал в ту

сторону приятель.

– И точно, Сань, что-то белеет. На снег не похоже, а? Широко раскрыл воспаленные глаза Тим.

– И мне так кажется.

Они с трудом поднялись, опираясь друг на друга и стали пристально вглядываться вдаль.

– Надо ближе подойти, в глазах все плывет, – пробормотал Тим, и парни, едва волоча ноги, побрели словно сомнамбулы* в сторону возвышенности.

Примерно через километр пятно увеличилось, и им показалось, что оно шевелится.

– Дак это ж купол парашюта! – внезапно прохрипел Тим, и, спотыкаясь о кочки, заспешил к пятну. Едва поспевая, Сашка побрел за ним. То и дело падая, но снова поднимаясь.

Спустя полчаса, тяжело дыша, напарники стояли у лежащего на земле купола парашюта. Его шелк серебристо блестел в солнечных лучах и едва уловимо колыхался от порывов легкого ветра.

– А где ж летчик? – посмотрел Сашка на Тима.

– Хрен его знает – мрачно пробурчал тот, – наверное, в тундру ушел. Чего ему тут делать?

Он видел, что парашют не такой, с какими приходилось иметь дело, и насторожился.

– Давай, по быстрому, сворачиваем купол. Шелка на портянки нарежем, а стропы на снасть пригодятся.

Сопя, парни потянули к себе неподатливый купол и обна-

ружили под ним наполовину ушедшее в мох тело человека.

– Вот он, твой летчик, – тихо сказал Тим, опускаясь у тела на колени. – Совсем свежий.

Через секунду, в его руке появился извлеченный из кобуры на поясе мертвеца вороненый пистолет.

– «Вальтер, – восхищенно прошептал Тим. – У меня такой был. И выщелкнул из рукоятки обойму. В ней масляно блестели патроны.

Он загнал обойму обратно и сунул оружие за пояс. Потом нагнулся, вынул из кармашка кобуры запасную обойму и опустил ее в карман ватника.

– А ну-ка, давай вытащим этого асса, – обернулся к стоявшему рядом с открытым ртом приятелю.

Вместе, путаясь в стропах, они с трудом извлекли из пропитанного водой мха неподатливое тело, и оттащили чуть в сторону.

Затем с минуту рассматривали его.

Вместо лица, у немца была размокшая в воде губчатая бесформенная маска с расплюснутым носом и темными прядями прилипших ко лбу волос.

– Ты, гляди, не рыжий, – удивленно протянул Сашка.

– А почему он должен быть рыжим? – отозвался Тим, расстегивая на меховой куртке летчика молнию.

– Не знаю. Мне все фрицы такими кажутся, – шмыгнул носом Сашка.

– Ты смотри, какой был красавчик, – хмыкнул Тим, про-

тягивая ему извлеченное из нагрудного кармана немца удостоверение пилота «люфтваффе» и пухлый кожаный бумажник с золотой монограммой.

С фотографии на документе, на Сашку холодно смотрел молодой симпатичный парень с аккуратной прической и пробором на голове. Чем-то похожий на артиста.

– Лейтенант Отто фон Вернер, – по складам прочел матрос.

– Ты слышишь, Дим? Целый «фон», это у них вроде нашего графа.

– Да, парень видать был не бедный, – смотри какие у него часы.

Сашка принял из рук приятеля отсвечивающие тусклым металлом необычно тяжелые часы с браслетом и внимательно стал их рассматривать. На задней крышке имелось клеймо – орел со свастикой, а также какая-то гравировка.

– Фельдмаршал Геринг, – разобрал он последние слова. – Ни хрена себе! Тим, эти часы от Геринга!

– Я ж тебе и говорю, что не простой это немец. Надо отсюда быстро сваливать, его могут искать. Стоп, а коль фрицдохлый, значит «нз»* у него цел. Как это я сразу не догадался?

Он отстегнул на груди немца металлические карабины, а затем, перевалив того на живот стащил с тела парашютный ранец. Потом, щелкнув клапанами карманов, извлек оттуда поочередно две плитки шоколада, пачку прессованного изю-

ма, небольшую ракетницу с запасными ракетами, таблетки сухого спирта и спички, в непромокаемой упаковке.

– Живем, Санек! – радостно воскликнул старшина, сунув ракетницу и шоколад тому в руки, а остальное быстро распахал по карманам.

После этого Сашкиной финкой они отрезали от купола несколько строп и большой кусок шелка, которые затолкали в оставшуюся котомку. Парашют же свернули, туго перетянули стропами, сунули внутрь несколько камней и утопили в разлившемся неподалеку снеговом озерце. С талою водою.

Затем вернулись назад, Тим стащил с ног летчика меховые унты и швырнул их Сашке – бери.

– Не, – повертел тот головой. – Оставь себе, твои пьексы совсем развалились.

– Бери, я тебе сказал! У меня сорок пятый, а это как раз твой размер.

Сашка сунул унты в мешок. Затянув горловину веревкой.

Сняв с Вернера летный планшет, который Дим повесил на плечо, моряки отволокли тело к озерку, где утопили парашют, и тоже столкнули в воду. Знакомец Геринга побулькал и утонул. Словно его и не было.

– Туда гаду и дорога, – харкнул вслед Тим. – Отлетался.

После этого друзья вернулись к своей последней остановке. По пути Сашка достал из кармана плитку шоколада, с молчаливого согласия Дима освободил ее от бумажной упаковки, разломил и протянул тому половину. Друзья принялись

жевать его на ходу, мыча и чмокая от удовольствия.

У сиротливо лежащего на небольшом валуне «Суоми» они остановились. Тим, утерев рукавом губы, взял автомат в руки, вывинтил шомпол и с размаху саданул прикладом по камню. Затем сунул металлическую часть под слой мха, а приклад с шомполом спрятал за пазуху.

– Пригодится, для костра, – сказал он Сашке. После чего моряки снова отправились в путь. Стараясь побыстрее уйти как можно дальше.

С плато донесся тоскливый волчий вой.

– Шалишь, – обернулся назад старшина. – Теперь нас хрен возьмешь. Ходу, Санек. Ходу.

Когда потускневшее солнце завершило свой бесконечный путь к горизонту, а с затянувшегося тучами неба начал сыпать мелкий зернистый снег, друзья, еле двигая ногами, подошли к обширному, преградившему им путь озеру. Его извилистые берега поросли карликовым лесом и чахлым кустарником, в котором жалобно пищала какая-то птица.

– Ушли порядочно. Тут сделаем привал, – покосился Тим на бредущего за ним в импровизированной накидке из парашютного шелка приятеля.

Они нашли место посуше, на небольшой скальной площадке, оставили на ней котомку, шомпол и приклад, после чего исчезли в леске. Откуда вернулись с охапкой хвороста и полной шапкой красно-бурых подберезовиков.

Пока Тим колот финкой на тонкую щепу автоматный при-

клад и разводил костер, Сашка достал из кармана их самодельную снасть, взял из вороха две палки подлиннее и пошаркал к ближайшему заливику. Там он привязал к ним узловатую шелковую нить, наживил крючки половинками размоченной во рту изюмины, после чего забросил в воду.

Когда старшина, щурясь от едкого дыма и прихватив рукавом ватника конец шомпола, пек над огнем издающие дразнящий запах грибы, на берегу раздался радостный вопль и вскоре оттуда появился Сашка. Растянув губы в улыбке, он нес в вытянутой руке среднего размера серебристую рыбину.

– Подвезло нам, – оживился Тим. – Что за порода такая?

– Да похожа на хариуса, а там, кто его знает? Здесь все по чудному.

Старшина положил шомпол с уже испекшимися грибами на лежащий на камне лоскут шелка, вытащил из кармана пакетик с прозрачными таблетками и протянул другу.

– На, Санек, погрызи.

– Что это?

– Леденцы с ментолом, у фрица в планшете нашел. Там, кстати и карта. Идем мы, судя по ней, верно. Разве чуть отклонились к югу. Но топать еще далековато. Километров триста.

– Ну? Как тебе леденцы? – поинтересовался он, снизывая финкой грибы на шелк и насаживая на шомпол рыбину.

– Вкусные и во рту холодят, – прошепелявил Сашка.

– Я ж тебе говорю, с ментолом, это от простуды. Я такие

на Северо-Западном фронте пробовал. Отобрал у пленного офицера. Готовились, все-таки фрицы к войне основательно. Все предусмотрели, не то, что мы, – нахмурился Тим. – Шапками закидаем.

– А все равно, под Москвой и Сталинградом их разбили. Да и здесь, на Кольском, они увязли.

– Это точно, – согласился старшина, подбросив в костер просохших веток.

– Хлипкие они уж очень. Вот мы с тобой из плена третью неделю идем. Полуживые, и без всего. А тот фриц, – кивнул головой назад, – с раскрытым парашютом в мох свалился и рожа всмятку. Ну да черт с ним, давай шамать. Кишки марш играют.

– Давай, сглотнул слюну матрос. – У меня тоже.

Тим разломил густо парящую рыбу на две части и большую отдал Сашке.

– Чего это ты меня все время подкармливаешь? То свою долю шоколада отдал, то эти таблетки, а теперь вот и кусок побольше? – обиделся ленинградец.

– Это потому, что салажонок ты еще, Санек, да и в лагере почти дошел. Так, что давай, наворачивай. А мне не впервой. Считаю третий раз к своим выхожу – жестко прищурился старшина, блестя глазами.

Приятели стали жадно глотать сочную рыбью мякоть, обсасывая кости, а потом принялись за грибы. Пресные, но вполне съедобные.

– На вот еще, хлебни. У фрица в кармане нашел, – протянул старшина другу миниатюрную плоскую фляжку.

– Когда успел? – я и не заметил.

– И В Ростове мало кто замечал. Я пацаном водился с беспризорными и по карманам ловко притыкивал*, – беззвучно рассмеялся Тим.

С одесского кичмана,
Сбежали два уркана,
Сбежали два уркана,
Да домой,
Лишь только уступили,
В ростовскую малину,
Как поразило одного,
Грозой...

с чувством напел он, подмигнув Сашке.

– Вот жалко курева у фрица не оказалось, видать здоровье берег. Щас бы в самый раз подымить (вдохнул).

Сашка отвинтил колпачок, сделал глоток из фляжки и поморщился.

– Ну как? Получше «шила»? – поинтересовался старшина.

– А я его на «охотнике» один раз только и пробовал. Боцман не давал. Тоже говорил, что салага.

– Это коньяк, – приняв у него фляжку, сделал глоток и

Тим. – Давай теперь ногу твою поглядим и спать.

Морщась, Сашка поднял до мосластого колена широкую штанину робы. Нога, от щиколотки до лодыжки, у него сильно посинела и распухла. Тим отчекрыжил финкой от парашютного лоскута длинную ленту и крепко забинтовал ею ногу матроса.

– Типа тугой повязки. А теперь спать. Утро вечера мудренее.

Друзья, как и в прошлый раз, сдвинули в сторону от прогоревшего костра горячие угли, вынули из котомки унты и скользкое полотно шелка, после чего улеглись на теплый гранит.

Унты они сунули себе под головы, полотнищем накрылись сверху и закрыли глаза. С неба невесомо продолжал сеять мелкий снег. Кружась в воздухе и не тая.

Утром, когда друзья проснулись, накидка и все тундра кругом, были покрыты его серебром, которое искрилось в лучах робкого солнца.

– Лето и зима одновременно, – пробурчал Сашка, стряхивая снег с шапки, и сладко зевнул. – Впервые по настоящему выспался. Без кошмаров.

– Еще бы, – откликнулся, лежащий рядом Тим. – Мы поели и неплохо согрелись.

Затем друзья встали, умыли снегом чумазные лица, и старшина ощупал унты. Они были полностью сухие.

– Снимай свои «гады»*, – кивнул на Сашкины, истертые

до дыр ботинки. Тот уселся на котомку, сбросил ботинки с ног, стряхнул с них драные куски мешковины и пошевелил бледными, распухшими от сырости и стертыми в кровь пальцами.

Тим разрезал надвое, служивший им скатертью за ужином кусок шелка и протянул куски товарищу. После этого стащил с ног свои размокшие пьексы, и отрезал от одной из шелковых накидок, еще два куска. Аналогичного размера.

Приятеля туго навернули на ноги эти шикарные портянки, и снова обулись.

– Тим, тепло, как в печке, а веса никакого, – притопнул кожаным унтом о мох Сашка и улыбнулся потрескавшимися губами. – И кашель меня почти не бьет.

– Погрызи еще леденец и мне дай, – запихав в мешок остатки шелка, протянул к нему широкую ладонь напарник.

Матрос достал из кармана бушлата леденцы и оделил одним приятеля. С минуту они посасывали их, чувствуя на языках прохладу и щурясь от удовольствия.

Я уж и забыл, какой он есть на вкус, сахар. Оказывается сладкий, – пошутил старшина.

– А шоколад? – вскинул белесые брови Сашка.

– Так он же горький был. Ну, ты давай, достругивай приклад и готовь костерок, а я к озеру. Может рыба какая сдуру поймалась. Заодно и веток там наломаю.

Не появлялся он довольно долго, потом над озером гулко разнесся выстрел, и Сашка испуганно вскочил. Выдернув из

ножен финку.

Через минуту из кустарника появился Тим, несущий в руке какую-то птицу и волокущий за собой несколько корявых сухостоин.

– Ух ты, куропатка! – удивленно воскликнул Сашка, пряча нож и всплеснул руками.

– Держи, – бросил ему еще теплую, рыжеватой окраски птицу, старшина.

– В березнячке подшиб. Там их целая стайка почками кормилась. Хороший у «вальтера» бой, – похлопал по рубчатой рукоятке торчащего за поясом пистолета.

– А вот рыбы нету, удочки я снял. Дай-ка мне портмоне фрица, там много бумажек. Я с вечера мха подсушил, может, приспособлю какую под сигарку.

Сашка достал из внутреннего кармана бушлата кожаный бумажник и протянул Тиму, а сам начал ошипывать куропатку.

Тот же, присев на корточки, достал из бумажника тонкую пачку рейхсмарок, несколько фотографий и какие-то сложенные вчетверо листки. Судя по всему, письма.

Снимки привлекли внимание старшины, и он поочередно стал их внимательно разглядывать.

На одном погибший был в парадной форме офицера «люфтваффе» и с какой-то расфранченной девицей в мехах, а на втором в летном комбинезоне у «мессершмита», а на третьей – рядом с грузным человеком. В высокой фураж-

ке и мундире с аксельбантом, увешанном крестами, спесиво смотрящим в объектив.

– Вот тебе Геринг, – показал Сашке фото Тим. – Я видел его портрет в одной немецкой комендатуре, которую мы разгромили под Оршей.

– Ну и боров, – нахмурился матрос, заканчивая ощипывать птицу и смахивая рукой перья с колен. Кило на двести.

– И карта у этого фрица интересная, с их аэродромами и воинскими частями. Пригодится нашим. А вот из этого послания я себе самокрутку и сварганю, – развернул одно из писем старшина. – Судя по всему от «фрау. Бумага тонкая и духами пахнет.

Он ловко свернул из странички «козью ножку», достал из кармана бриджей горсть сухого бурого мха и наполнил ее. Примяв все большим пальцем. Потом взял из горящего костра ветку и прикурил. Задрожав ноздрями.

– У-у-у, – с наслаждением затянулся, и выпустил изо рта густую струю дыма. – Даже башка закружилась.

После этого, попыхивая сигаркой, Тим взял из рук Сашки ощипанную и ставшую намного меньше тушку куропатки, ополоснул ее в ближайшей лужице и насадил на шомпол.

– На, жарь пока, – протянул другу. – А я вон на ту горку взберусь, погляжу, как нам лучше озеро обходить (показал на высокую сопку).

Когда зарумянившаяся птица начала издавать дразнящий запах и постреливать в языках пламени голубоватыми искра-

ми капающего с нее сока, старшина ввернулся и, тяжело дыша, присел у костра.

– Черт! Как вкусно пахнет. Да ты настоящий кок. Умеешь.

Затем разжал ладонь и показал Сашке два лежащих на ней кусочка металла. Это были изъеденный временем железный наконечник стрелы и позеленевшая бронзовая пряжка. С какой-то головой внутри. Зло улыбавшейся.

– Вот это да! – удивленно воскликнул матрос, взяв находки в руки и став их рассматривать. – Где взял? Я похожие видел в Эрмитаже.

– Там, – показал пальцем Тим на вершину сопки.

– На ней какое-то непонятное нагромождение камней, их довольно много, вроде колонн.

– А больше ничего нету?

– Нет, да и это я случайно обнаружил. Наколел ногу обо что-то. Нагнулся, смотрю, лежат подо мхом. Сколько этим штукам лет интересно? И чьи они, а, Саня?

– Наверное, викингов. Они с северными народами воевали, нам учитель по истории рассказывал. Слышал о таких?

– Угу, – пробормотал старшина, – приняв назад находки. – Ну ладно, давай порубаем и в дорогу. Отложил их в сторону.

Сашка рассек финкой куропатку на две равные части, протянул одну Тиму и они с наслаждением стали есть дымящееся мясо.

– Жирная, неплохо подъелась, – пробубнил старшина, вытирая ладонью текущий по подбородку сок. Приятель молча

жевал, блаженно щуря глаза и дуя на дичину.

Через несколько минут от птицы не осталось даже косточек.

Тим вытер руки о мох, свернул очередную сигарку, закурил и, улыбаясь, поглядел на Сашку. Тот, причмокивая, облизывал масляные пальцы.

Потом снова взял в руки лежавшую рядом на котомке пряжку и еще раз осмотрел ее. Более внимательно.

– А ты знаешь, что на ней изображено? – потер находку о бушлат, взглянув на Тима.

Откуда? – в очередной раз затянулся сигаркой старшина, сплюнув горькую слюну. – Спроси чего-нибудь попроще.

– Это голова Горгоны.

– Что еще за голова? Впервые слышу.

– А вот послушай, – заблестел глазами матрос. – Это интересно.

По греческой мифологии, Горгона Медуза, она же стражник, защитница и повелительница, наиболее известная из трех сестер – чудовищ с женским лицом и змеями вместо волос. Ее взгляд обращал человека в камень. Была убита Персеем и упоминается в «Одиссее».

– Про Одиссея читал в книжке, – сказал Тим. – Ну-ну, давай дальше.

– Ну, так вот, – продолжил Сашка. – По преданиям, она была младшей дочерью морского волшебника Форка и единственная смертная из горгон. Родилась прекрасной, с чудес-

ными волосами и победила богиню Афины в состязании по красоте. За что та, будучи мстительной, превратила волосы девушки в гидр, а затем предательски убила на поединке рукою Персея.

Кровь же Горгоны, вытекшая из обезглавленного тела, стала обладать чудодейственным свойством: та, которая текла из левой части, несла людям смерть, а из правой – спасала их от любых бедствий.

Вот такая история, Дим, – закончил свой рассказ Сашка. – Так что это ценнейшая находка, которой позавидует любой музей. На, возьми на память и храни (протянул пряжку старшине). А я оставляю себе наконечник. Если ты, конечно, не возражаешь.

– Точно, интересно – принял находку Тим, погладив ее пальцем. – Конечно же, возьму. А наконечник твой, владей. Широко улыбнулся.

– Ну а теперь вернемся к нашим делам, – сказал, опустив пряжку в нагрудный карман. – Обходить озеро будем с юга. Там равнинная тундра, а с севера сплошная цепь сопок. В них замаемся.

Вот сейчас перевалим, ту невысокую горку, – показал на последнюю к югу сопку и, как говорят, «вперед с песнями».

Спустя час, их удалявшиеся фигуры, виднелись на далеком склоне.

Глава 7. Смерть у озера

Взобравшись на вершину, где тонко свистел летящий над пространствами ветер, друзья остановились.

Внизу, на десяток километров, примыкая одной стороной к озеру, а другой, уходя в безбрежную тундру, тянулась обширная, зеленая с розовым низменность. В центре которой что-то неясно чернело.

Старшина напряженно стал всматриваться в ту сторону, затем протер слезящиеся глаза и сдавленно пошептал, – кажись самолет.

Не сговариваясь, друзья упали в мох и замерли.

– Это, наверное, тот, из которого немец выпрыгнул, – сдавлено прошептал Сашка.

– Щас узнаем, – хищно ощерился Тим и потянул из-за пояса «вальтер». – Ты, давай, лежи и наблюдай, а я малость разведжаю.

После этого, передернув затвор, ужом пополз вниз. В направлении того, что обнаружил.

Сашка достал из-за пазухи ракетницу, взвел тугой курок и ощупал висящий на поясе нож. Потянулись утомительные минуты.

Наконец сбоку послышался шорох, и возникла голова Тима.

– Кажись наш, бомбер, но вокруг никого, – сообщил он, хриплым голосом.

– Ур..! – радостно вскинулся Сашка и осекся под ярост-

ным взглядом старшины.

– Молчи, карась, – прошипел тот. – Я ж сказал «кажись», точно не разглядел. Вот туман рассеется, тогда и увидим.

Они вновь замерли на вершине, став внимательно осматривать раскинувшийся вокруг ландшафт. Расцвеченный бледными красками заполярья. Остатки последнего снега под лучами солнца таяли, и согревающийся воздух призрачно дрожал над тундрой.

Когда фосфорицирующие стрелки швейцарского «лонжина» на Сашкиной руке подобралась к полудню, туман поредел, и сквозь него проступили очертания уткнувшегося в землю самолета.

– Точно, наш русский, Ил-4, – взволнованно произнес старшина. Нас на таком под Ржевом сбрасывали, после бомбежки.

А теперь, матрос, двигаем вперед, только тихо, – бросил он Сашке.

Тот молча кивнул, они крадучись спустились с сопки и, чутко прислушиваясь и озираясь по сторонам, медленно двинулись к машине.

Тим впереди, держа наготове взведенный пистолет, а Сашка с ракетницей в руке чуть сзади и в стороне. Как в разведке. Так учил его старшина дороге.

Первое, что бросилось парням в глаза – оторванное от фюзеляжа, искореженное крыло, с красной звездой на нем и многочисленные рваные дыры в корпусе самолета. Были по-

гнуты также лопасти одного из винтов, а правый двигатель густо закопчен. И со смятым капотом.

– Да, досталось ему, – прошептал старшина и, когда друзья приблизились к машине почти вплотную, заметил лежащее у самого корпуса, напротив большой пробоины, застывшее тело человека, в оленьей одежде, с разmozженной головой. Рядом валялся искореженный автомат ППШ. С круглым диском.

Старшина поднял вверх согнутую в локте левую руку, приказывая напарнику оставаться на месте, и на секунду замер. Потом скользнул вперед, поднял автомат, и прижался к обшивке машины чуть в стороне от пробоины. Затаив дыхание прислушался – вокруг была тишина, нарушаемая только размеренной капелью где-то внутри самолета.

– Гранатой саданули, – мелькнуло в голове Тима, когда он заметил на одежде убитого многочисленные и разные по величине дыры.

Он сделал Сашке жест занять позицию с другой стороны от зияющего в корпусе пролома, а, когда тот выполнил это, приложил палец к губам, – тихо.

Затем, размахнувшись, левой рукой швырнул ППШ через пролом внутрь машины. Там раздался металлический грохот и снова наступает мертвая тишина.

Держа в крепко сжатых пальцах «вальтер», старшина осторожно переступил мертвое тело и сквозь дыру нырнул внутрь самолета.

– Саня, залазь, – послышалось через минуту оттуда, и матрос, оглянувшись, последовал за напарником.

Тот молча стоял посреди искореженного отсека, в который из повреждений и дыр в корпусе, проникали солнечные лучи.

В их свете были видны разбросанные по отсеку в самых немыслимых позах, изломанные тела людей в военном обмундировании и с оружием.

Точно, наши, – втянул голову в плечи Сашка, поднимая с рифленого пола новенькую фуражку с синим околышем и рубиновой звездочкой на ней.

– Да, судя по всему из НКВД, – хмуро сказал Тим. – Не иначе на задание летели.

– Смотри, этот даже полковник – дернул кадыком Сашка, указывая пальцем на одного. В плаще и с полевой сумкой.

– С чего ты взял? – хмыкнул старшина. – Так уж и полковник.

– У него погоны с тремя звездами. А вон тот, что рядом лежит, в кожане* – майор.

– Я таких знаков различия в 42-м не встречал, – озадачено сказал Тим, покосившись на приятеля. – Откуда знаешь?

– Точно Тим. Погоны совсем недавно ввели, после Сталинграда. Мне один пленный рассказывал. А ты не знал?

– Нет – коротко ответил старшина и поднимает с пола отсека валяющийся автомат.

– Новенький, – ласково провел рукой по лакированному

прикладу и отстегнул диск. Тот был полностью снаряжен золотистыми патронами.

– Теперь и воевать можно, – вщелкнул диск старшина на место и повесил ППШ на плечо. – Отличная машинка.

Знаешь, Сань, не люблю я этих чекистов. Очень уж они въедливые. Один майор из особого отдела стрелковой дивизии, когда мы вышли на ее охранение после задания, мордовал нас трое суток. Пока не выяснил, что десантники. И потом смотрел волком, очень уж ему хотелось нас в расход пустить. А еще, сука, «парабеллум» мне так и не вернул. Мол, младшим командирам не положено.

Так, Сань, на тебе тоже ППШ, – вывернул из закованных рук чернявого сержанта автомат. – Собери у всех документы, а заодно и личные вещи. Они мертвым ни к чему. А я пока летчиков в кабине посмотрю, вдруг есть кто живой. Чем черт не шутит?

Он отпихнул ногой, какой-то валяющийся на проходе блестящий кусок металла и выбрался наружу.

Когда Сашка появился из самолета, с туго набитым вещмешком в руках и полевой сумкой на шее, Тим сидел неподалеку и молча курил папиросу.

– Ну, как? – шмякнул у его ног сидор матрос. Присев рядом.

– Всем хана, – безнадежно махнул рукой старшина. – А ребята, видно, смелые были. Пилот так со штурвалом в руках и застыл. Капитан, и с двумя орденами «Красного Зна-

мени». Штурмана расшибло в лепешку о приборную доску. Оба стрелка тоже мертвые. Верхний в турели завис, а нижнего при ударе вдрызг размазало.. Это, видать, они того фрица и завалили. А он их. Только вот что, непонятно. Парашютов у экипажа нет. Или сейчас без них летают?

– А мне вроде все ясно, Дим. На вот, погляди.

Сашка достал из кармана бушлат и протянул ему вспыхнувший на солнце ярким светом, небольшой слиток.

– Что это? – взял его старшина в руку и едва не уронил. – Тяжелый!

– Ты посмотри повнимательней.

Тим повертел слиток перед глазами и обнаружил на одной из его граней небольшое клеймо в виде герба СССР. А чуть ниже выбитые цифры.

– Никак золото? – удивленно вскинул брови.

– Именно. Там, в самолете, два ящика с ним, и на полу еще много валяется. Ты этот брусок ногой пнул, – рассмеялся Сашка.

– Ну, дела-а, – протянул Тим. – Теперь и мне дошло, отчего у летчиков парашютов нет. Они перевозили особо ценный груз, а которые в бомбовом отсеке – охрана. Видать «нкэвдэшники» заставили оставить парашюты, что б те не выпрыгнули, если собьют. Не доверяли, гады. Интересно, а куда мог лететь этот бомбардировщик? А, Саня?

– Судя по документам, которые у полковника – из Москвы в Мурманск.

Сашка отстегнул клапан офицерской полевой сумки, вынул из нее сложенную вчетверо бумагу, малинового цвета удостоверение и протянул старшине. — Ознакомься.

В удостоверении, с двумя красными, расположенными по диагонали полосами, имелось фото человека в военной форме с четырьмя шпалами на петлицах и надписью «Главное управление контрразведки «СМЕРШ» на правом развороте. А чуть ниже «Полковник Азаров Алексей Иванович — начальник отдела», синяя гербовая печать и неразборчивая подпись.

— Да, — нахмурился Тим. — Не повезло тебе полковник, — и развернул плотную бумагу.

В ней значилось, что полковник Азаров и майор Коваленко с группой военнослужащих из девяти человек, направляются в командировку в Архангельск для выполнения особо важного задания. На бумаге синели оттиски печати и углового штампа «НКВД СССР».

— Бойцы, что с ними, — кивнул Сашка на справку, — из мотострелковой бригады НКВД особого назначения. Я никогда не слышал про такую.

— А мне доводилось, — ответил Тим. — Нас когда после первой операции, из Белоруссии передислоцировали в Подмосковье туда, перед второй заброской, из этой бригады два инструктора приезжали. Мастера спорта. Проводили с личным составом занятия по подрывному делу, стрельбе и рукопашному бою. Неплохие ребята.

– Так, ладно, – вернул он Сашке документы. – А что это у тебя за сидор? – хлопнул по тому ладонью.

– У переборки лежал, в нем продукты. Наверное, сухой паек.

– Ну, что ж, в таком случае давай подрубаем, – сказал Тим. – Жаль парней, но мы пока живые.

Сашка достал из мешка кирпич серого хлеба, банку консервов с иностранной этикеткой и завернутый в газету солидный шмат сала.

– «Правда», – уважительно произнес старшина, взрезав финкой банку, и нарезая пахнущий чесноком кусок, на крупные ломти.

Затем друзья без особого аппетита поели, думая каждый о своем.

На фронте и в лагере они повидали немало смертей, и вот очередная. В своем новом обличье.

Далее, желая узнать новости, которых были долгое время лишены, с интересом прочли все, что имелось в газетном листе. От корки до корки.

В том числе передовицу о наступлении советских войск по Курском.

Да, совсем другая пошла война, – значительно сказал Тим. – Не все коту масленица.

Когда Сашка, спрятав газету в карман, убрал в мешок остатки хлеба и сало, он достал из своего мятую пачку «Беломора» и закурил. Чиркнув спичкой.

– Саня, так ты говоришь, там, – кивнул на самолет, – целых два ящика такого добра? (взвесил на ладони слиток).

– Ну да, – деревянные, вроде зарядных. Один, на котором лежит майор, развалился, а второй, такой же. Только целый и опломбирован.

– И на хрена в Мурманске это золото? Пули из него отличать?

– Кто его знает, – пожал плечами Сашка. – Может оно для союзников.

– Каких таких союзников? – вскинул на него глаза приятель.

– Ну, вон тушенку мы с тобой ели, – показал Сашка на пустую банку, – вкусная?

– Ничего. Я раньше никогда такой не пробовал.

– Так вот, она американская. «Второй фронт» называется. Англичане и американцы гонят сюда, в Заполярье, по морю, караваны судов с военной техникой, снаряжением и продовольствием. И разгружают их в портах Мурманска и Архангельска.

– Не трави.

– Гадом буду! Наш «охотник» один такой до Соломбалы* сопровождал. А на палубах транспортов самолеты, танки и грузовики. Сам видел. Неужели ничего про это не слышал?

– Нет. В лагере, сам знаешь, не до разговоров было.

– Ну, так вот. Как нам рассказывал замполит, это все доставляется в СССР в качестве военной помощи.

– Так возможно, золото везли в Мурманск как оплату за нее?

– Ну, этого я не знаю, – почесал Сашка затылок. – Может и так. Замполит не говорил, а мы не спрашивали. Кстати, оружие у них неплохое. На нашей коробке английский «Эрликон» стоял, – это зенитный пулемет. Так мы с боцманом из него немецкого «фоккера» срезали.

– Не врешь?

– Честное слово. Нас даже к медалям представили – «За отвагу».

– Да, – пристально взглянул на приятеля старшина. – Не такой уж ты и салажонок, Санек. Держи «краба»! – протянул другу руку.

– А ты думал? – стеснительно улыбнулся матрос, крепко ее пожав. Чего-чего, а стреляю я неплохо.

– Ну, что ж, отдохнули а теперь за работу, встал на ноги Тим и взглянул на фонарь верхнего стрелка на фюзеляже. Смутным от трещин и пулевых пробоин плексигласом.

– Для начала того бедолагу вытащим, что б в случае чего, организовать круговую оборону. Сектор обстрела оттуда подходящий.

– Угу, – кивнул Сашка. – Во все стороны.

Вслед за этим парни снова забрались в самолет и бережно спустили тело стрелка, зависшего на пулеметной турели, в отсек. Уложив его рядом с другими.

– Сможешь с ним управляться? – кивнул на пулемет стар-

шина.

– Обижаешь, Тим, я ж по боевому расписанию был вторым номером на «Эрликоне». Конечно, смогу.

Далее они внимательно осмотрели ящики со слитками, и старшина попытался сдвинуть целый.

– Тяжелый, черт. Кило на сто будет. Не меньше.

Затем уселся на него, чуть подумал и обратился к Сашке.

– План у нас будет такой, матрос. Поскольку ты и я люди служивые, а это золото военное, мы за него в ответе. И о ящиках, кровь из носа, нужно сообщить нашим. До ухода, золота где-нибудь поблизости спрячем. А то видал, у бомбера лопарь без башки? Не такая уж тундра и пустая. Вот только кто его подорвал, непонятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.